

Ирина Мюльская

Женское
счастье, или
По рекам судеб

Ирина Июльская

**Женское счастье,
или По рекам судеб**

«Издательские решения»

Июльская И.

Женское счастье, или По рекам судеб / И. Июльская —
«Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510345-1

НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛОГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОННЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЕТ УСТАНОВЛЕННУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ. Романтические отношения идеалистической любви, преодоление жизненных и нравственных преград. Осознание и расплата за ошибки. Период охватывает события с 70-х годов прошлого века по 2000 гг. Показана история нескольких поколений женщин одной семьи. В книге будут встречи с героями из предыдущих романов («Леночка, или Анна Каренина наших дней», «Зоя, или на перекрестках судьбы»), более полно осветится история харизматичного врача Олега Воронцова в период 1992—1994 гг.

ISBN 978-5-00-510345-1

© Июльская И.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1 Девушка проснулась...	6
Глава 2 Смятение чувств, или Как не потерять свое лицо	10
Глава 3 Мечты и планы	14
Глава 4 На жизненном пороге	16
Глава 5 Встреча с жизнью	18
Глава 6 День рождения, или Нечаянная радость	20
Глава 7 Мечта приближается	27
Глава 8 Когда сбываются мечты	30
Глава 9 Звезды тоже сомневаются	33
Глава 10 Падение	36
Глава 11 Преступление без наказания, или О чем узнал только дневник	40
Глава 12 Счастье есть!	45
Глава 13 Родные люди	47
Глава 14 Бабушка и родная деревня	50
Глава 15 Возвращение	53
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Женское счастье, или По рекам судеб

Ирина Июльская

© Ирина Июльская, 2020

ISBN 978-5-0051-0345-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1 Девушка проснулась... Начало, год 1978год

Конец февраля, весна еще робко стоит на пороге не решаясь войти. А солнечный луч, яркий, победный проскользнул сквозь задернутые шторы и проникнув в комнату спящей девушки, стал потихоньку подкрадываться к ней. Поиграл в золотистых прядях длинных волос, раскиданных по подушке и продолжил свой путь, спускаясь к сомкнутым прозрачным векам, опущенным густыми длинными ресницами. Солнечный луч был настойчив и горяч, ему удалось разбудить девушку, заставить открыть глаза, а ей так не хотелось просыпаться от сладкого сна... А, вот в глаза девушки ему заглянуть так и не удалось. Проснувшись, она слегка потянулась и села в кровати, улыбнувшись солнышку и началу нового дня, затем достала спрятанную под подушкой толстую тетрадь, из которой выпала цветная фотография ее кумира – голливудской кинозвезды Дэвида Хейворда. Голубоглазый, златокудрый красавец, казалось, он проникал своим ясным пронзительным взглядом в самую душу даже с фотоснимка. Смотреть – не насмотреться...

– Доброе утро, любимый! Сегодня я видела тебя во сне, ты смотрел на меня своими удивительными глазами. Какое счастье, что на свете есть ты! Нет ничего в мире прекраснее тебя, лучше, добрее тебя! Как я люблю путешествовать по твоему лицу, погружаться в глаза, в которых нет дна, в твоих ресницах можно заблудиться, как в лесу среди шелковой листвы. Твой рот подобен красивому цветку, рисунок губ – само совершенство. Да, ты – истинно Человек эпохи Возрождения, итальянцы как всегда правы, сам Да Винчи был бы счастлив запечатлеть тебя на своих холстах. Ах, как бы я хотела стать ветром или птицей, чтобы пролетать близко от тебя! —

В дверь постучали, – это мама. Девушка торопливо спрятала фотографию под подушку. Мама открыла дверь комнаты:

– Доброе утро, Светланка, пора вставать. А я уже убегаю, завтрак на столе, не забудь захватить с собой бутерброды в фольге. Будет время, отнеси пожалуйста вещи в химчистку. Я на сутках сегодня, так что оставляю дом на тебя. – и мама ушла, закрыв за собой дверь.

Света встала с кровати, убрала тетрадь с фотографией в потаенное место, хотя прекрасно знала, что у мамы нет привычки копаться в ее вещах, да и дома она бывает мало, постоянно то на сутках, то в командировках. Мама – главная операционная сестра, ассистирует на операциях главврачу и ведущему хирургу военного госпиталя им. Бурденко, профессору Захарову Владимиру Александровичу, он без нее операции не проводит. Дочь привыкла бывать дома подолгу одна, у медиков работа посменная.

Взглянув на часы, Света стала быстро собираться в школу, сегодня она явно опаздывает, во всем виноват сон, такой явственный. Она видела Его, говорила с Ним, как наяву... и до сих пор не может прийти в себя от этой «встречи».

Раздался звонок в дверь, это соседка по лестничной площадке и по школьной парте Майка. Обычно Света первой выходит из квартиры и ждет ее, а сегодня... уже нет времени позавтракать. Света схватила со стола бутерброды в фольге, приготовленные матерью, и сунув их в сумку, быстро оделась и вышла из квартиры, заперев за собой входную дверь.

Майка, рыжеволосая курчавая бестия с васильково-синими глазами, облаченная в новую импортную куртку известного лейбла, довольная и счастливая этой обновкой, но Света, кажется, и не заметила этого.

Майя несколько обиженно обронила Свете:

– Ты даже не заметила, что я в новой куртке! —

– Красивая, тебе идет. – равнодушно отозвалась Света, спускаясь следом за подругой по лестнице их пятиэтажки без лифта.

– Нет, ты сегодня какая-то не такая... – Майя даже остановилась, заглядывая в лицо Светы:

– Света, ау! Что с тобой? —

– Да так, просто сон видела странный... —

Майка усмехнулась: – Сегодня контрольная по математике, а ты про сон! Проснись Света! —

Выйдя из подъезда дома, они пересеклись с другом детства Лешей Ларионовым, который шел через их двор к метро Краснопресненская. Он поздоровался с девочками. Майка ответила, немного задержавшись на его приветствие, а Света даже не заметила Лешу и прошла мимо, погруженная в свои мысли. Майка догнала подругу.

– Какой хороший парень Леша и давно влюблен в тебя. – начала Майка, но Света не отозвалась. У Майки лопнуло терпение:

– Да ты слышишь меня? Я тебе говорю, что Леша давно любит тебя. —

Майя понизила голос и слегка вздохнула:

– Но, если честно, не представляю тебя офицерской женой в военном городке. Нет, казарма не для тебя! И, потом, мы твердо решили стать журналистками, ездить по разным странам. Не... нет у Лешки шансов! Хотя, может он станет со временем генералом, как его отец и его будут возить на большой черной машине. —

Тут Света не сдержала улыбки от Майкиных слов:

– Ох, до чего же ты мудрая, Майка! Ну, прямо, как умудренная жизненным опытом женщина! —

Майка с довольным видом приняла комплимент:

– Просто у нас дома мама постоянно висит на телефоне со своими подружками, вот и набираюсь опыта. —

Обе засмеялись и побежали к школе по тропинке, петлявшей между гаражами. И так все десять лет. Раньше к ним бывало присоединялся Леша, но он старше и теперь учится в военном училище, а у них еще все впереди: и аттестат, и поступление в ВУЗ.

В школе разговоры сейчас только об одном – кто куда собирается поступать. Света для себя решила – МГУ факультет журналистики. Конкурс огромный, но ни о чем другом она и не помышляет. Майка тоже решила с ней поступать на журфак, наверное, больше за компанию, чем по велению сердца. Майка, она веселая, смешливая, компанейская, но они такие разные... Многие знакомые удивляются и как они сдружились две такие непохожие: Ураган – Майка и тихий Штиль – Света, но противоположности частенько сходятся. Правда, в их случае все еще серьезнее, уж слишком у них разные семьи. Майка Воронова родилась в семье торговых работников. Папа – директор крупного Гастронома, мама тоже там когда-то работала, но выйдя замуж за Виктора Воронова, уволилась. Советские кадровики строго следили за «семейственностью», особенно в торговле. Мама с тех пор не работает и ведет жизнь домохозяйки в окружении комфорта и дорогих модных вещей, которыми обеспечивает ее и дочь муж – Майкин отец, что во времена повального дефицита СССР в их понимании было вершиной счастья и поводом для зависти многих простых смертных. А у подружки Светы отца нет, он погиб на Целине, когда Света была совсем маленькой, она его совсем и не помнит. Но Майка, с самого раннего детства, почему-то больше любила бывать у небогатых соседей Куприяновых, даже обедать у них любила, хотя стол их не отличался разнообразием деликатесов, которыми был набит холодильник в квартире Вороновых. Майка за обе щеки уплетала бабушкин борщ, суп из грибов, собранных в лесу подмосковной деревни и высушенных у русской печи, растопленной березовыми поленьями. Любила она и простую рассыпчатую гречневую кашу с сахарным песком, и оладьи с вареньем... и, вообще, она больше пребывала в семье

Светы Куприяновой, чем у себя, благо живут они буквально дверь в дверь. Так незаметно она стала своей и считала себя их родственницей, а Свету своей сестренкой. Может их сблизило, что обе были единственными детьми в семьях. Майка, когда была маленькой, просила родителей о сестренке или братике, но родители не хотели, особенно мама, выросшая в многодетной семье где-то в отдаленной глубинке. Майка запомнила, как мама однажды вздохнув сказала, глядя в васильковые глаза дочери:

– Глупая ты, счастья своего не понимаешь! Ведь это все твое, все для тебя! Эх, не знаешь ты, что такое носить обноски от старших, как я когда-то. —

Больше Майка братика с сестренкой не просила. Да и зачем? Она нашла себе сестричку – Свету Куприянову! И не надо никого просить! Сама нашла!

Открыв ключом дверь и закинув с порога школьную сумку на банкетку в прихожей, Майя услышала, как мать говорит по телефону с кем-то из подруг, таких же скучающих домохозяек при обеспеченных мужьях. Подбежал Бимка, запросился гулять и хоть Майка после школы ужасно проголодалась, она все же взяла поводок и благодарный пес в нетерпении бросился к двери. Захлопнув за собой входную дверь квартиры, Майка с Бимом понеслись вниз по лестничным пролетам и не сбавляя скорости, вылетели из подъезда на улицу, пронесаясь было мимо Леша Ларионова, неторопливо шедшего через двор домой. Он окликнул ее. Майя остановилась и узнав их со Светой друга детства, удивилась:

– Это ты, Леш! Даже не узнала тебя, привыкла, что ты в форме. —

– Привет! А ты как всегда... —

– Что как всегда? – весело переспросила Майка. На что Леша, несколько смущаясь ответил:

– Сама знаешь... модничаешь. —

– А в человеке все должно быть прекрасно. В том числе и одежда. Горький сказал! – не моргнув глазом парировала Майка. Алексей «отбил подачу»:

– Чехов. —

Ничуть не смутившаяся Майка, вышла из положения:

– Вот видишь, сам Чехов сказал! —

Алексей, немного помявшись, спросил:

– Видел вас сегодня утром. Что со Светой? Она была, по-моему, сама не своя... —

Майка, отпустила лабрадора Бима с поводка, чтобы он размялся после квартирного заточения и поправив на голове завитки рыжеватых непокорных волос, полыхнув синим взглядом, выдала:

– Это ее обычное состояние, – летание в облаках! Она даже журналисткой хочет стать, чтобы взять интервью у Дэвида Хейворда, представляешь? —

Леша в недоумении: – Дэвид Хейворд? Кто это? —

Майка посмотрела с еще большим недоумением на Лешу:

– Голливудская Звезда! Все девчонки мира любят его! Так, что у тебя, Леша, нет шансов! Хотя... если на тебя внимательно посмотреть и одеть соответственно, по-моему, ты будешь похож на него. Хм... ничуть не хуже. А ты говоришь модничаю я. Одежда должна подчеркивать достоинства человека. Что ни говори, красота – страшная сила. —

Алексей улыбнулся: – А это кто из классиков сказал? —

Майя задумалась, наморщив носик, тщетно пытаясь вспомнить:

– Не помню... нужно у Светки спросить. —

На что Алексей с усмешкой произнес:

– Эх, ты! Раневская! —

Майка, не моргнув глазом: – Точно! Раневская из «Вишневого сада» Чехова! —

Алексей рассмеялся: – Фаина Раневская в фильме «Весна» Александрова! —

Теперь Майка, запрокинув свою голову с рыжими кудряшками, искренне и задорно расхохоталась, обнажив великолепные белые зубы. Затем сквозь набежавшие на глаза слезы:

– А ты, оказывается, киноман! —

И, окликнув и не найдя Бима, побежала по дорожке между гаражами, прилепившимися к обочине их старого двора, а Леша пошел к своему дому, располагавшемуся рядом по соседству.

Это был добротный кирпичный дом, сталинской постройки, предназначенный для людей заслуженных и номенклатурных работников. В подъезде сидела дежурная-лифтер, в доме был просторный зеркальный лифт с сидением, обитым темным бархатом. Двор перед этим престижным домом был большим и благоустроенным, но Леша в детстве чаще гулял в соседнем дворе Светы и Майи, с его старыми скрипучими качелями, песочницей и гаражами из листового железа под плакучими ивами. Двор был проходным, имеющим спуск к Москва-реке. Зимой вся детвора округи на санках, лыжах или просто на картонках и дощечках скатывалась по этому спуску к самой реке. Тогда, лет пятьдесят назад, зимы были морозные, снежные, с поскрипывающим настом под ногами и ярким, слепящим солнцем. За зиму образовывались целые горы снега и в каждом московском дворе были обливные горки, сооруженные, как правило, родителями детворы и дворниками, подкидывающими снег, как основу для создания снежных городков. Кто-то приносил ведерки с разведенными водой акварельными красками и все вместе под руководством взрослых принимались разрисовывать снежные постройки. Чего-чего, а снега в России всегда хватало, просто сейчас, в наше время его увозят на снегоуборочных машинах для дальнейшей растопки и это зимнее развлечение навсегда пропало из жизни детей. Теперь в каждом дворе созданы благоустроенные детские площадки, дети не гуляют дворовыми компаниями. Может это и хорошо, но вспоминая свое детство во дворах Москвы, понимаю, что что-то потеряно и ушло навсегда с той восторженной радостью юных лет.

Глава 2 Смятение чувств, или Как не потерять свое лицо

Открыв ключом дверь, Алексей вошел в просторную прихожую квартиры. Высокие потолки, большие окна с видом на Москва-реку, квартира высшего военного ведомства разительно отличалась от типового жилья с маленькими прихожими и кухнями. С тех пор, как умерла мать Алексея, в квартире остро ощущается присутствие мужчин и отсутствие женщин. Это чувствуется даже с порога. Когда Леша учился в школе, их хозяйство вела приходящая домработница Наталья Петровна, но теперь они справляются и без нее. Отец обедает на работе, он в училище. Живут они с папой почти по-спартански, главное, чтобы было легко и просто убираться. Леша справляется с ведением их небольшого хозяйства, а когда есть время готовит ужин к приходу отца. Мамины вещи, хранящие память о ней, стоят, по-прежнему, на своих местах в ее комнате. Ее старинный трельяж, вышивки, вазочки, фотографии в рамках, флаконы с остатками любимых маминых духов... Здесь все будет так, как было при ней, безвременно покинувшей этот мир, когда ей не было и тридцати лет. Сыну Леше тогда только исполнилось пять лет, но он помнит ее и запах ее любимых духов. Прошло четырнадцать лет, отец по-прежнему один, а ведь ему всего сорок восемь. Мама сгорела за месяц от лейкемии. Сама врач, она все прекрасно понимала про себя и старалась держаться до последнего. Вот с тех пор они и живут вдвоем. Отец совсем не думает о себе, много ездит по командировкам, рано получил генеральские погоны, а сейчас занимает ответственный пост в министерстве обороны. Леша о выборе профессии даже не задумывался, он как все мужчины в его роду будет военным, так было еще и при царях.

Отец, услышав, что вернулся сын, вышел из своего кабинета.

– Пап, ты дома? Ты сегодня рано. – удивился Алексей.

Отец ответил:

– Да, пора обедать. Мой руки и садись за стол. Леша пошел в ванную, а про себя подумал:

– Мне девятнадцать с гаком, а отец, кажется, все не замечает этого. Что делать, – офицерская привычка командовать. Однако подкрепиться все же не помешает. – Редко бывает, что отец рано приходит домой с работы. Леша разогрел обед, нарезал хлеб, положил столовые приборы на стол. Он привык делать все по-военному четко и быстро, как на дежурстве в училище.

Обед был незамысловат и короток. Благо, что рядом с домом очень неплохая кулинария, в которой Леша частенько покупает полуфабрикаты, а готовить их совсем незатруднительно: положил на сковородку, крышкой накрыл и... Сегодня были вполне приличные голубцы. Его иногда консультирует женщина из той же кулинарии, тетя Шура, она давно работает и хорошо знает Лешу. Она-то и подсказала, что после обжарки хорошо потушить голубцы в сметане и добавить немного томатной пасты.

– И впрямь вкусно получилось, по-моему, отец остался доволен. Хотя, ему, вроде как, все равно что есть: пельмени, котлеты, картошку. Он молчит все больше, но спасибо сказать не забывает. —

Подойдя к зеркалу, Леша оглядел себя. Он редко смотрится в зеркало и равнодушен к модным тряпкам, но вспомнив сегодняшний разговор с Майей, спросил у отца:

– Пап, а у нас остались чеки?

Отец отозвался из другой комнаты: – Какие чеки? —

– Ну, которыми тебе платят за иностранные командировки, чеки в «Березку» —

Отец, как бы вспоминая:

– Да..., посмотри в ящике стола. Я покупал на них книги и что-то еще... А что? —

Леша ответил: – Мне бы хотелось кое-что купить. —

- Возьми сколько надо. – отозвался отец.
- Спасибо, папа! —

Леша открыл ящик стола, где лежала пачка чеков Внешпосылторга. На эти чеки можно было купить дефицитнейший товар в специализированных магазинах «Березка». Мечта многих советских людей – приобрести там вещи недоступные простым смертным. Торговля этими чеками была почти легальной. Нет, конечно, открыто их никто не продавал, но и счастливых владельцев чеков было не так уж и много. Курс в разные времена был 1:3, бывало и выше, но всегда находились люди готовые купить эту «вторую валюту» СССР. О долларах тогда речь не шла, за торговлю валютой можно было получить срок, а при Хрущеве были случаи и расстрелов.

В Москве в ту пору было несколько магазинов «Березка». Перед входом в этот рай избытка кучковались спекулянты, торгующие чеками, как правило – одни и те же лица хорошо знакомые милиции, время от времени появлявшейся около магазина. Те и другие делали вид, что не замечают друг друга. Со знакомыми барыгами у них действовал нейтралитет или пакт о ненападении, но стоило перед магазином появиться новичку, как тут же появлялись блюстители закона и уводили неопытного «бизнесмена» в стоящий неподалеку милицейский УАЗик. Если договаривались – отпускали, а если новичок артачился, то дело заканчивалось приводом в отделение милиции и увесистым штрафом с изъятием чеков. А бывалые фарцовщики спокойно продолжали свой бизнес. Зачем им конкуренты, сбивающие цену? Свои грядки они охраняли ревностно и урожаем делиться не желали, а прибыль не заставляла себя ждать. Все были довольны. Такова была эта «отрыжка» дефицита.

Алексей оказался впервые в этом магазине, все полки которого ломились от заграничных товаров. Он прошел в отдел мужской одежды, растерянно осматриваясь по сторонам. К нему подошел продавец и поинтересовался:

- Молодой человек, у вас чеки Внешпосылторга есть? —
- Есть. – ответил Алексей.

Лицо продавца сменило свое выражение от небрежно-пренебрежительного до заинтересованно-подобострастного. В нем появилось что-то лакейское из разряда «Чего желаете?». Видя растерянность Алексея, он спросил:

- Что хотите приобрести? Джинсы, куртку, обувь? —
- Да, все: и джинсы, и куртку, и обувь. Все, что сейчас модно. – добавил Алексей.
- О, для вас, на ваш рост и фигуру у нас все только самое лучшее и модное, с этим проблем нет. – И тихо добавил:

– А то некоторые приходят, требуют все самое модное, а у самих пояса на джинсах не сходятся. Злятся, как будто я виноват, что им пузо свое некуда девать. Так и хочется сказать, шашлыка надо меньше есть. Или рост полтора метра, а туда же. – И видя, что Алексей не поддерживает беседу, закончил:

– Сейчас все подберем в лучшем виде. – Продавец ненадолго оставил Алексея и уже буквально через несколько минут вернулся с ворохом одежды. Разложив все это перед ним, с гордостью указал ему на примерочную:

- Идите в кабинку, начнем с джинсов и прочего... —

Продавец оказался настоящим профи, все вещи подошли по росту и по размеру, сидели на Алексее просто идеально и минут через десять-пятнадцать он вышел из отдела мужской одежды, облаченный в модный импорт: в красивую куртку с капюшоном, а на ногах были наимоднейшие ботинки на толстой подошве. В руках у него было два пакета. В одном: одежда в которой он пришел в магазин, а в другом пакете внушительного размера: пара модных рубашек-батников, коробка с фирменными кроссовками, двое джинсов, джемпер со свитером

и несколько комплектов модного нижнего белья, которые он покупать не собирался, но парень-продавец заставил их взять и хитро улыбнувшись, шепнул:

– Бери, пригодится. —

Напротив «Березки» находился салон-парикмахерская. Немного поразмыслив, Алексей решил туда зайти подстричься.

Был будний день и народу было немного, мастера явно скучали. Стоило Алексею зайти в мужской зал, как к нему подошел парикмахер, парень лет около тридцати, сублильного сложения, выглядевший моложе своих лет. Внимательно окинув взглядом Алексея, он указал на кресло перед большим зеркалом. Алексей сел. Парикмахер-стилист, представившийся Сергеем, подошел и проведя рукой по вихрам светлых волос Алексея спросил:

– Какую стрижку будем делать, молодой человек? И видя, что Алексей в растерянности, стал бойко перечислять названия модельных стрижек. Алексей, совсем не смыслящий в них, вдруг сказал:

– Стригите под Дэвида Хейворда! – На что парикмахер-стилист с улыбкой понимающе кивнул:

– Ясно... —

И начал лихо орудовать расческой с ножницами. Его ловкие пальцы бегло сновали среди Лешиных прядей волос, позвякивая ножницами. И вот стрижка закончена. Сергей, отойдя чуть в сторону и осмотрев своего клиента со всех сторон, делает последние штрихи: руками взлохмачивая волосы, создает, как он выразился, «художественный беспорядок».

– Теперь после душа волосы не приглаживай расческой, а обязательно взерошивай руками, в этом вся суть. – дал свои указания стилист.

Алексей даже привстал с кресла, вглядываясь в свое отражение. Однако, как может прическа изменить человека... он и сам себя не узнает.

Сергей, довольный работой, гордо смотрел на своего преображенного клиента. Леша, вглядываясь в зеркало спросил:

– Что и в самом деле у Дэвида Хейворда такая прическа? —

– Не сомневайся, последний голливудский писк. Я стараюсь за модными новинками следить, не зря видак приобрел, у меня дома целая коллекция фильмов, приходи, посмотришь если интересуешься. – Он многозначительно как-то посмотрел на Лешу, а про себя вздохнул:

– Эх, есть и у нас красавчики... – Затем предложил:

– Бровки выщипывать будем? Для принятия формы и акцентирования выражения глаз, очень рекомендую. Совсем немного, ты и так парень хоть куда! —

Леша в изумлении воскликнул:

– Что?! – Затем быстро положил деньги на столик и почти выбежал из зала. Сергей, взяв деньги, крикнул вдогонку: – Постой, сдачу возьми! – Но Леша уже не было.

– Чудак какой-то дикий... – недоуменно пожал плечами Сергей – Однако знает о Дэвиде Хейворде, а это культ в кино, что ни говори. —

И все же, что сотворяет модная одежда с человеком! Особенно в СССР, в далекие 70-е годы уже прошлого века. Идя по улице, Леша ловил на себе многочисленные взгляды: заинтересованные, завистливо-осуждающие, восторженные со стороны девушек. Все это смущало, он не привык к такому вниманию к себе. Самым главным его желанием стало побыстрее доехать до дома, переодеться, вымыть голову, расчесать волосы и снова стать собой. Выйдя из метро, как назло, на остановке он увидел ожидающих автобус Свету и Майю. Девушки изумленно смотрели на него, а Майка даже подошла близко удостовериться, что это он. Всмотриваясь ему в лицо, говорит:

– Леш, это ты или не ты? —

Леша тихо, чтобы слышала только Майя:

– Нет, не я. Это Дэвид Хейворд. —

Наступила немая пауза, но тут из-за поворота показался их автобус. Девочки зашли в него, а Леша развернулся и пошел пешком, ему совершенно не хотелось ехать с ними в одном автобусе и ощущать на себе их удивленные взгляды.

– Пойду пешком коротким путем. – решает он.

Доехав на автобусе, девчонки поднялись к себе на пятый, последний этаж. Перед дверью своей квартиры Майка, потрясенная Лешиним преображением, вздохнула:

– Ты знаешь, я и правда Лешку не сразу узнала. Вот что значит фирменный прикид и все такое. Думала, что фирмач меня разыгрывает. —

Света задумчиво отозвалась:

– А я сразу узнала. Я его в любой одежде узнаю. —

Майка, открыв ключом замок входной двери, прежде чем зайти за порог, успевает со вздохом резюмировать:

– Нет, Светка, что ни говори, а одежда много значит! – и они разошлись по своим квартирам.

Глава 3 Мечты и планы

Леша вошел в квартиру, на вешалке висела отцовская шинель. Услышав голос отца, прислушался. Отец с кем-то говорил по телефону в своем кабинете. Леша крадучись проскользнул в свою комнату, быстро снял с себя одежду, купленную в «Березке», затем пошел в ванную, где сунув голову под кран, стал тщательно смывать «творение» стилиста Сергея. Затем не менее тщательно стал вытирать волосы полотенцем, после чего, вопреки рекомендациям того же Сергея, частым гребешком старательно расчесал волосы, пригладив их ладонью, тем самым окончательно распрощавшись с образом Дэвида Хейворда. Вглядываясь в зеркало, он снова узнал в нем себя и от сердца отлегло.

Выйдя из ванной, Леша натолкнулся на отца, в задумчивости даже не заметившего сына. Надев шинель, отец вышел из квартиры, закрыв за собой дверь. Алексей подошел к окну кухни, выходящему во двор и заметил у подъезда служебную машину, ожидавшую отца. Затем он увидел, как отец вышел из подъезда и уехал на автомобиле. Тут только Алексей заметил на кухонном столе записку и деньги. Отец писал, что срочно уезжает в командировку недели на две-три, так, что пусть сын один командует дома. Что ж, ему не привыкать, сын офицера, внук офицера, сам будущий офицер. Но в последнее время он все чаще думает о Свете, о том, что их будущие пути все больше расходятся. Он думал, вернее надеялся, что она станет медиком, как ее бабушка и мать, да и в его роду женщины тоже были связаны с медициной. Раньше Света говорила, что хочет стать врачом, работать в госпитале, но вдруг захотела стать журналисткой. И все из-за этого Дэвида Хейворда, чтобы взять у него интервью! А это совсем не вяжется с его тайной надеждой связать их жизни в будущем. Он мечтал, что будет служить где-то в гарнизоне, а она там же работать в медчасти, они поженятся, будут вместе всю жизнь... Выходит, этот голливудский актер, сам того не ведая, разрушил все его планы, всю его жизнь! Ведь кроме Светы ему никто не нужен, он знал это всегда, с самого их детства.

Утром следующего дня, умываясь перед зеркалом в ванной, Алексей заметил, что его волосы после сна упорно не намерены расставаться с «изюминкой» стиля Дэвида Хейворда. Вихры на голове не желали быть приглаженными и стояли насмерть, вопреки всему. Им даже частый гребень, смоченный водой не указ. Времени оставалось совсем мало, придется идти в таком виде в училище. Пригладив волосы и поглубже натянув на голову шапку, Леша вышел из дома и поехал в училище, где сразу с порога получил замечание от дежурного офицера, указавшего ему, что такая прическа не соответствует уставу училища и ему необходимо привести себя в должный вид. Едва дождавшись окончания занятий, Леша зашел в ближайшую парикмахерскую, где постригся «под ноль», окончательно расставшись с творением стилиста и образом голливудского красавчика.

Весна в этом году наступила быстро, совсем немного осталось до экзаменов в школе, затем вручение аттестатов зрелости, выпускной бал, а там самое главное – поступление в МГУ. Света уже сказала маме о своем решении, та согласилась с ней, хотя и надеялась, что дочь пойдет в медицинский по стопам бабушки и матери. Мама раздобыла журнал с выкройками и отрез ткани цвета незабудок. Любимый цвет Светы, говорят, что он очень подходит к ее глазам. Ткань недорогая, но тонкая, воздушная, как и ее мечты. Фасон решили делать простой, единственным украшением которого будет обилие воланов и рюшей.

Свете вспомнилось, как вчера они с Майкой встретили на остановке Лешу. – И вправду, что это он вдруг решил поэкспериментировать со своей внешностью? Может Майка чего взболтнула, прическа действительно как у Дэвида. Она сама даже немного опешила, хотя Дэвид старше их, ему уже за тридцать, но с годами он становится только лучше. —

Света покупает в салоне кассеты с его фильмами, но видео у них нет, это недоступная роскошь для их семьи. Она смотрела фильмы Дэвида у Майки на их видеомagneтoфoнe, но при

ее маме неудобно, она почти все время дома, а видак у них стоит почему-то в спальне родителей. Майка говорила, что отец купил еще один про запас, но он запечатан в коробке и они им не пользуются. А так хочется смотреть на него постоянно, она все время думает о нем, пишет ему письма и стихи в своем дневнике. Информации мало, те немногие вырезки из газет и журналов Света хранит в своем заветном дневнике, который ведет уже больше года. Он самый лучший, самый талантливый, самый красивый! Нет, ради этого она обязательно выучит английский и поступит на журфак и обязательно встретится с ним, чтобы взять интервью!

Глава 4 На жизненном пороге

И вот школьные экзамены позади. Аттестат у Светы хороший, троек нет и у Майки нет троек, но родители наняли целый полк репетиторов, которые заметно подтянули ее. Майка тоже решила поступать на журфак МГУ. Наверное, больше за компанию. Она сама проговорила: – Ее мама усиленно ищет связи через отца, чтобы пристроить дочку по благу в МГУ, да и сама Майка в душе надеется на это, а вот Свете надеяться приходится только на себя и на собственные силы и знания. Весь прошедший год она готовилась самостоятельно по пособию для поступающих на журфак МГУ. В школе за сочинения ей всегда ставят «отлично», классный руководитель Людмила Владимировна в качестве примера зачитывает их перед классом, но достаточно ли этого, чтобы поступить в МГУ, куда съезжаются абитуриенты со всей страны... Но она, конечно, будет стараться все сделать, чтобы поступить. А на следующей неделе событие – выпускной вечер! Платье у нее не такое шикарное, как у Майки, но мама очень постаралась и сшила платье на выпускной. Главное, сидит на ней хорошо и цвет, как у ее любимых незабудок! —

В Светиним дневнике появилась новая запись: – Прекрасный солнечный день! С самого утра вокруг веселая суматоха – сегодня последний школьный день. И что там впереди... Леша уже поздравил меня и Майю с окончанием школы. Позвонил утром и зашел с цветами. Было очень приятно. Мы с Майей приглашали его на свой выпускной, но он сказал, что у него дежурство в училище. Не зря Майка называет его рыцарем, он всю жизнь нас охранял и в обиду никому не давал. Во дворе все знали об этом. —

Но чем взрослее они становятся, тем меньше между ними той непосредственности, как во времена их детства, с его коньками, горками, секретками, а бывало и недолгими ссорами. А сейчас Леша смотрит на нее какими-то грустными глазами, часто молчит и не решается запросто подойти при встрече, чтобы поболтать, узнать, как дела.

Майка, та без комплексов, известная хохотушка, она и ей говорит: – Смейся почаще, мужчины не любят тихих и грустных. – А она не умеет специально смеяться и, вообще, как известно «Смех без причины – признак дурачины», это старая истина.

Света в выпускном платье и в новых белых босоножках осматривает себя в зеркале. Платье ладно сидит на ее тоненькой фигурке, отутюженные оборки делают образ нарядным и воздушным. Волосы у нее густые, длинные, чуть ли не до колен, ножницы им не знакомы с рождения, разве что кончики мама иногда подстригала после мытья. Пожалуй, это ее главная красота. Она блондинка с серо-голубыми глазами. Сколько себя помнит, у нее всегда были длинные волосы. По ее детским фото видно. Сначала были хвостики, затем косички, а уже к седьмому классу выросла длинная коса, толщиной с руку. Отрезать волосы, сделать модную стрижку, – об этом Света и не помышляла. Майка без конца меняет прически, каких только образов у нее не было. Но все равно, от непослушных кудряшек ей никуда не деться и стоит чуть пройти дождю, как они, словно пружинки, поднимаются кверху, хоть она их и обильно поливает лаком для волос. Природа естества сильнее химии.

Мама вышла из своей комнаты в новом светлом костюме. Света заметила, что у нее слегка подкрашены губы бледно-розовой перламутровой помадой. А прическа у мамы всю жизнь одна – коса, скрученная в пучок на затылке. Они с мамой удивительно похожи, может со временем и она переймет у нее эту прическу, а пока Света решила просто распустить по плечам свои волосы и сразу стала похожа на сказочную Русалку. Косметики совсем чуть-чуть. Майка и так от природы яркая, давно пользуется тенями и помадой, но это скорее дань моде, да и куда девать дефицитную французскую косметику, которую ей постоянно дарит папа. Не пропадать же добру!

Света с мамой вышли из подъезда и по знакомой тропинке направились к школе. Сейчас, перед началом выпускного вечера, будет торжественная линейка, последняя в их жизни. Погода прекрасная, вечер и ночь ожидаются теплыми, на небе ни облачка, поэтому линейка будет на улице перед школой. В школьном дворе уже собрались выпускники с родителями, играет музыка из установленных динамиков радиосвязи, перед микрофоном трибуны пока никого нет. Учителя во главе с директором и завучем еще не появились из здания школы и у шумной толпы собравшихся есть время пообщаться и пообсуждать друг друга. Мальчишки в костюмах и белых рубашках похожи на молодых женихов, а девчонки одна другой краше. Света с мамой скромно стоят среди шумной толпы, но вдруг все, как по команде, замолчали и повернули головы в сторону идущих к школе Майи Вороновой и ее мамы. Вот уж кто произвел настоящий фурор, эффект атомной бомбы! Одна не уступала другой ни в нарядах, ни в прическах! Мать у Майки молодая, тридцать шесть всего! А Майке с модной прической и с макияжем, в шикарном фирменном платье из «Березки» сегодня можно дать и побольше, чем ее выпускные семнадцать! Высокая, крупная, с выразительными пышными формами, она больше походит на двадцатилетнюю девушку, чем на выпускницу школы. Так было с класса седьмого. Майка вдруг стала бешено расти и развиваться, опережая всех девчонок в классе. Света рядом с ней казалась еще тоньше и бледнее, и даже моложе своих лет. Но, видимо, гены распорядились именно так, да и родители у Майки не из мелких: оба высокие, крупные. Папа – богатырь тот еще, а мама, хоть иногда и садится на диеты, но часто проигрывает им. Попробуй, удержишься от соблазнов холодильника полного деликатесов.

Майка отыскала в толпе подругу, бессменную соседку по парте в школе и по дому, Свету Куприянову. Подошли и ее родители, поздоровались с Ириной Ивановной, мамой Светы и заняли место рядом с ней. Видя всеобщее внимание к его женщинам, отец Майки стоял гордый и счастливый. Он был явно доволен произведенным впечатлением и чувствовал себя, как обладатель породистых чемпионов (лошадей или собак, неважно).

Вдруг музыку выключили, голоса смолкли, наступила тишина и все внимание присутствующих перенеслось на распахнувшиеся школьные двери, из которых стали выходить учителя, празднично одетые по поводу выпускного, ведь и у них сегодня праздник. Они отпускают своих учеников в большую жизнь, как знать кто из них вырастет, а они – учителя навсегда останутся в памяти вчерашних школьников. Память, правда, бывает разная, но сегодня хочется вспоминать только хорошее и говорить только о хорошем.

Слово предоставили директору школы Марине Витальевне Зуевой. Она тепло и по-доброму напутствовала выпускников, ей ответили такими же теплыми благодарными аплодисментами. Выступали завуч, учителя, мама Григория Артемова – председатель родительского комитета школы, ребятам тоже давали слово. Ну, а затем учителя пригласили выпускников в школу, где стараниями родителей в актовом зале были накрыты столы с праздничным угощением. Надо отдать должное, что помогла мама Майки, Наталья Васильевна. Она через мужа обеспечила стол дефицитными продуктами. В 1978 году в магазинах было непросто достать что-то, а тут стол буквально ломился от колбас разных сортов, рыбы, фруктов и других вкусностей, ведь при советской власти было не принято арендовать рестораны для проведения школьных выпускных, обходились столами-фуршетными в школах. Конечно, было много шампанского, настоящего «Советского», вкус которого уже и позабыт сейчас.

Вот и выпускной позади, уже под утро ребята стали расходиться по домам. Света с Майей, возвращались смертельно уставшие после танцев и прогулок по центру Москвы со встречей рассвета на Красной площади. Хотелось одного – спать!

Спите дорогие красавицы, сегодня была самая насыщенная ночь вашего навсегда ушедшего детства. Набирайтесь сил, впереди вас ждет взрослая жизнь. Как хочется счастья вам и исполнения всех ваших желаний и планов!

Глава 5 Встреча с жизнью

О существовании пословицы «Человек предполагает, а Бог располагает» Света знала давно от бабушки, а вспомнила о ней лишь стоя перед стендом, с вывешенными списками поступивших на журфак МГУ. Ее фамилии там не было. Майкина фамилия была, она прошла на вечернее отделение, одного балла всего не хватило для поступления на очное. Но, видимо, так действительно угодно Богу и Судьбе. Хотя, если честно, объективная причина все же была. Света незаметно для экзаменаторов переписала Майкино сочинение, а на свое элементарно не хватило времени. Поэтому и не добрала балл даже на вечернее. Сработал синдром школьной подруги. В школе подобное проходило и не раз, а в МГУ – нет. О сдаче экзаменов в другой ВУЗ Света и не помышляла, она решила, что обязательно будет поступать в следующем году и только в МГУ на журфак. Нельзя ломаться из-за первой же неудачи и останавливаться на полпути к своей мечте!

Выйдя из здания МГУ, Света пошла к смотровой площадке на Ленинских горах. Здесь вся Москва как на ладони: Москва-река, а за ней стадион Лужники. Кругом идут работы к Олимпиаде-80. В Москве есть настоящие горы, хотя если совсем честно, горами их назвать сложно, скорее это холмы, изрезанные оврагами или просто высокий правый берег Москва-реки. Но место это, еще с древности вписанное в историю Москвы, является одним из семи холмов столицы. Здесь полтора века назад Герцен с Огаревым дали свою клятву...

А ей сейчас хочется побыть одной, даже хорошо, что она без Майки. Света спустилась по склону, нашла удобное место под деревом и расстелив на траве газету, села, обхватив руками колени. Клятву она, конечно, давать не собирается, но нужно разобраться с мыслями и решить, как жить дальше. В голове стали возникать планы на ближайшее будущее, об отдаленном сейчас не время думать, но именно ее настоящее и близкие перспективы помогут ей достигнуть своей далекой и пока недостижимой цели, а сегодня Света поняла, что надо отделять мечту от цели. А для начала надо разобраться в себе.

– Первое: нужно найти работу. В идеале в редакции газеты или журнала, но туда без знакомства не возьмут. Майку отец устроил по блату на внештатную работу в новый журнал для женщин или как сейчас говорят «глянцевый». Устроил чисто для справки в ВУЗ и стажа. Кто-то из центрального издательства отоваривался в его магазине и на просьбу директора-распорядителя дефицитных товаров помог с трудоустройством его дочери. Майка уже зондировала и для нее должность. Могут взять курьером, но тогда времени готовится совсем не будет, много поездок по городу входит в обязанности курьера. Второе: записаться на подготовительные курсы МГУ и весь год усиленно готовиться к поступлению. Она уже узнала когда будут принимать заявления на подготовительные курсы, – через месяц. —

Посидев еще немного и поразмыслив о своем будущем, Света убрала за собой газету и стала подниматься вверх по крутому склону холма, покрытым уже желтеющим лесом.

Мама приняла новость спокойно и предложила:

– Давай к нам в больницу санитаркой. У тебя будут выходные после суток, будет время читать, готовиться к экзаменам. —

Света подумала и решила, что мама права. Она молода, полна сил, днем на работе, а по ночам на сутках можно и заниматься. Она по-прежнему ведет дневник, где делится мыслями со своим кумиром Дэвидом Хейвордом, нет дня, чтобы она не писала ему и ей это действительно помогает, только ему она доверяет все свои сокровенные мысли. Ему и дневнику.

К работе в госпитале Света привыкла быстро, она не гнушается ничем, к счастью, она не брезглива, а это немаловажное качество для медиков, ведь приходится работать с людьми часто беспомощными и помогать им в самых естественных для живых людей потребностях. Она учится делать уколы и другие простые процедуры. Мать в госпитале старается много с ней

не соприкоснуться, у нее дела поважнее, она – главная медсестра на операциях и ей трудно найти замену. Она давно работает в этом госпитале, ее очень уважают и ценят все сотрудники, не говоря о ведущем хирурге Захарове Владимире Александровиче. А у Светы в ее отделении образовался свой круг общения: люди все хорошие, всегда помогут, подскажут, – женщины в основном, но есть и ребята-медбратья, работающие в мужском отделении для тяжелых, госпиталь-то военный...

Постепенно все вошло в четкий ритм. Молодость прекрасна своим ожиданием будущего. Все делается во имя этого будущего: школа, ВУЗ, работа. Так уж устроен человек, он всегда чего-то ждет. И только однажды, когда многое позади и уже многое свершилось или не свершилось, ты начинаешь понимать, что жизнь, как ни крути, прошла. Своя прошла, но есть жизни детей, внуков... и опять ожидания, надежды... Так мало мы живем настоящим, все чаще будучи уже в возрасте думаем о прошлом, не умея ценить сегодняшний день.

Света после дежурства возвращалась домой. Ноябрьский ветер продувал насквозь ее легкое демисезонное пальто. Немного постояв на остановке в ожидании автобуса и рискуя окончательно замерзнуть, девушка решила добраться до дома пешком проходными дворами, где ветру негде разгуляться среди деревьев и зданий. Она шла сквозь знакомую арку, ведущую в ее двор, как ее окликнули. Света повернула голову. К ней торопясь приближался Алексей.

– Привет! – поздоровался он.

Света кивнула.

– Устала? Как на работе, тяжело, наверное? —

– Да нет... —

– Вот всегда так, – отозвалось в душе Алексея – Весь день думаю о ней, а как встречу, то не знаю, что и говорить. Она тоже молчит все время. Она и маленькая все больше молчала. Майка, – та известная болтушка, она как посредник между нами. – Алексею всегда хотелось хоть чем-то помочь Свете и ее маме, но он не знал, чем. Как-то в разговоре с ними обронил:

– Может вам что-то тяжелое нужно перетащить или с ремонтом помочь? Вы, Ирина Ивановна меня зовите всегда. – Он запомнил, как по-доброму улыбнулась тогда мама Светы, а она сама смущенно опустила глаза, слегка покраснев.

– Нет, разговор не клеится, наверное, она опять о Дэвиде своем думает. А он еще и голову побрил... даже в училище сказали, что это скорее для новобранца-призывника, чем для курсанта. Им же не скажешь, что не было другого выбора, чтобы избавиться от «голливудского образа», только таким кардинальным методом и удалось. А вот и ее дом. —

– Ну, пока! —

Света быстро попрощалась с Лешей и скрылась в своем подъезде.

Глава 6 День рождения, или Нечаянная радость

– Она и впрямь сегодня немного устала, ночь тяжелая была. Вот и Леша скоро закончит училище и станет младшим офицером, как его отец когда-то. А у нее отца нет, мама так и не вышла замуж. Отец погиб, когда она была совсем маленькая. Замерз в казахской степи. Во время снежного бурана заглох мотор машины. Когда его нашли было уже поздно. В их доме всегда жили одни женщины. Только бабушке удалось на склоне лет устроить свою личную жизнь. После смерти бабы Маши, ее бабушка, разменявшая шестой десяток, неожиданно для всех вышла замуж за друга детства вдовца Рэма Михайловича и вот уже несколько лет вполне счастлива с ним. —

Света улыбнулась, вспомнив о бабушке. Как любит она приезжать к ней в деревню, да и мама там все свое детство провела. Деревня вырастила, выкормила в непростые послевоенные годы, тогда баба Маша была еще крепка и управлялась и с коровой, и с курами, и с козами. То ли война мобилизовала силы организма, но баба Маша стала чувствовать себя настолько хорошо, что отпустила племянницу Тоню в Москву, ухаживать за новорожденной внучкой Светочкой. Так несколько лет Антонина прожила в Москве, рядом с дочкой и внучкой. Работала медсестрой в детском садике рядом с домом, куда потом ходила ее внучка Светочка. Их старый дом на Соколе пошел под снос и они получили небольшую двушку на Красной Пресне. Когда бабе Маше опять занеможилось, да и внучка подросла к тому времени, Антонина вернулась к тетке в родные Холщевики и продолжила свою работу в местном медпункте.

Дочь с внучкой, конечно, помогали, когда приезжали. В шестидесятые, при Хрущеве, крестьян обложили непомерным налогом на скотину и прочую домашнюю живность, корову пришлось продать. В деревне всегда работы невпроворот, но управлялись со всеми делами легко, с песнями. Ирина поет прекрасно, у нее великолепный голос. Когда-то, еще учась в деревенской школе, пела в хоре, была солисткой, но дальше самодеятельности дело не пошло, да и она всегда хотела стать медиком, как ее мать – деревенский фельдшер. После медучилища закончила первый курс медицинского института в Москве. Познакомилась на летней практике с Юрием, только закончившим институт геодезистом-картографом, быстро вышла за него замуж, сразу забеременела и родила Свету. Затем случилось это несчастье в ту злополучную ночь в казахской степи. Ирине пришлось оставить институт, она к тому времени уже работала в военном госпитале им. Бурденко у ведущего хирурга Захарова Владимира Александровича. Вот с тех пор, скоро уже двадцать лет она работает под его началом. Владимир Александрович – военный врач, оперировать начал совсем молодым на войне, подобно Пирогову. Да и сейчас в мирное время постоянно оперирует, но, к счастью, уже не жертв войны, а военнослужащих, получивших ранения на учениях и стрельбах, что не часто, но все же случается в армии. В госпитале бывают и спортсмены из ЦСКА с разными видами спортивных травм. Ребята молодые, все больше хоккеисты, звезды фигурного катания и других видов спорта. Персонал, конечно, старается угодить своим кумирам, щедро раздающим автографы и фотографирующимися на память с медиками, но Света почти не замечает знаменитостей из мира спорта и относится ко всем одинаково, как к прославленным спортсменам, так и к рядовым военнослужащим. Скорее, наоборот, к простым ребятам из воинских частей, родители которых далеко и не могут приехать навестить своих сыновей, Света относится более тепло и заботливо, чем к избалованным знаменитостям. Она пишет письма за тех, кто сам не может писать и отправляет их по адресам. Незаметно для себя она полюбила работу в госпитале, здесь она ощутила свою нужность и пусть небольшую, но все же помощь в выздоровлении пациентов. Они тоже платят ей взаимностью, а некоторые пытаются за ней ухаживать, но... быстро замечают, что у молоденькой медсестрички нет личного интереса в общении и ее одухотворенные, задумчивые глаза совершенно лишены девичьего кокетства. Многие из горе-поклонников сдаются

и отходят в сторону, решив, что девушка уже в кого-то влюблена, а им только и остается, что любоваться ею исподволь на расстоянии.

– Она похожа на Ангела, совсем неземная. – шепчутся между собой ребята. Конечно, ей дарят цветы, шоколадки, которыми она угощает других больных, тем самым невольно зарождая в их молодых сердцах интерес к ней, как к девушке. Одни пациенты сменяют других, все повторяется вновь и идет по кругу...

А Света, по-прежнему, ведет свой дневник и мечтает о встрече с Ним, поэтому так отстраненно-задумчива и молчалива. И еще она много читает, готовится к будущим экзаменам. В молодости все переносится с легкостью: и работа сутками, и недосып. Времени совсем мало остается и хоть они работают в одной больнице с мамой, но видятся еще реже чем прежде, их смены часто не совпадают. С Майей тоже видятся мало, не смотря на то, что она учится всего три раза в неделю по вечерам, а внештатная работа в женском журнале не забирает много сил и энергии. Не всегда у Светы есть время на общение с подругой, которая любит поболтать об интригах в их редакции, где всем верховодит некоронованная королева – любовница главного редактора. Красивая, холеная, но высокомерная и мстительная незамужняя особа лет около тридцати. Она чувствует в Майе молодую смену и старается, по словам самой Майки, «задвинуть ее подальше». Майя платит ей взаимностью. В основном, все разговоры на эту тему, Света слушает из вежливости, а самой эти склоки настолько чужды и неинтересны... Но Майка, заботливая душа, никогда не забывает принести ей журнал с фотографиями и статьями о Нем. В их гламурной редакции есть свои источники информации и связи с зарубежными СМИ, но многие статьи на иностранных языках без перевода. Света на ночных дежурствах, когда выпадает немного времени, переводит со словарем и усиленно учит английский, без этого в журналистике никак. Здорово, что у нее теперь есть видеомэгафон и много кассет на английском с субтитрами, это очень помогает ей быстрее осваивать язык на слух, что самое трудное. Конечно, она подсматривает текст на русском, но часто просматривая фильмы, с каждым разом подглядывает все меньше, запоминая живую речь, привыкая к интонациям и к голосам актеров. У нее есть почти все фильмы с Дэвидом, которые она смотрела неоднократно. А с видаком, вообще, вышла особая история, которая стоит того, чтобы ее рассказать.

Видеомэгафоны в советское время были настоящей роскошью, которой владели очень немногие счастливицы, да и кассеты с фильмами было очень непросто достать даже за большие деньги. Только с приходом «Перестройки» в начале 90-х и появлением видеосалонов и видеопроката стали доступны новинки мирового кино для широких масс. Часто фильмы эти были далеко не лучшего качества ни с позиции художественного содержания, ни с оценки качества самой записи, растиражированной в домашних условиях с пиратских копий. А уж порнухи и всякой чернухи было немерено. Настоящие шедевры мирового кино иногда просачивались к зрителям, но низкосортных, пустых по содержанию фильмов было гораздо больше и они заполняли собой весь рынок. Но это будет гораздо позднее, в 90-х. А тогда в конце 70-х, в начале 80-х трудно было вообще что-то достать, да и цены были очень высоки.

У Светы День рождения осенью, 15 сентября. Хорошее время для Дня рождения во всех смыслах. В детстве радовало, что после летних каникул все друзья в сборе и можно пригласить их домой на чаепитие с мамиными пирогами, которые все обожали. Света даже в школу их приносила на Огоньки и другие школьные праздники, так, что слава о маминой выпечке разнеслась по всему классу. Часто бывает, что на ее День рождения выпадает начало «Бабьего лета» и погода балует тихим осенним теплом, обилием разноцветных астр, а еще настоящими астраханскими арбузами по десять копеек за килограмм, которые продают на каждом углу по всей Москве. Стоит воткнуть нож в спелый астраханский арбуз, как раздастся характерный треск корки с рассекаемой сочной мякотью. Ярко-красная, сахаристая, она издает ни с чем не сравнимый аромат свежести. Осень богата на особые запахи из смеси поздних цветов: астр, гладиолусов и хризантем, увядающей пряной листвы и яблок из бабушкиного сада, грибов

из подмосковных лесов и много чего другого милого сердцу перед долгой зимой с ее теменью, отсутствием солнца и ярких красок природы.

В известной песне есть такие слова: «В жизни раз бывает восемнадцать лет», но Свете, не смотря на эту прекрасную дату, совсем не хотелось праздновать свое восемнадцатилетие. К ее провалу в МГУ прибавилась еще грустная новость, буквально перед ее Днем рождения они похоронили мужа бабушки Тони, Рэма Михайловича, с которым та счастливо прожила последние несколько лет и вот опять осталась одна в своем деревенском доме. Настроения не было совсем, поэтому Света решила свое восемнадцатилетие не праздновать. На работе попьет чай с сотрудниками и достаточно. Все карты перемешала Майка. У нее для Светы созрел тайный план. А дело было так: перед самым Днем рождения своей подружки, Майка, сидя с родителями за вечерним чаем, сообщила:

– Нет, вы как хотите, но на Светин День рождения одной импортной косметикой и французскими «Клима» не обойдешься. —

Родители вопросительно взглянули на дочь.

– А что же ты ей хочешь подарить? – поинтересовалась мама.

– Видак! —

На что мама возразила:

– Но это слишком дорогой подарок! —

Майка продолжила:

– Ей он очень нужен для работы. —

Мама заметно занервничала:

– Для работы? Насколько мне известно, она в больнице санитаркой работает. Он ей нужен, чтобы из-под больных горшки выносить или градусники ставить? —

Но Майка не сдавалась:

– Если бы не я, то она бы сейчас училась в МГУ, а не горшки выносила. Она мне помогла, а сама не успела полностью тему раскрыть. Мне еще повезло, что у нас с ней разные варианты были. А вам не надоело свою «Эммануэль» без конца смотреть? У меня эта музыка уже постоянно в голове крутится. Так, что как хотите, но Света заслужила хорошего подарка и видак я у вас экспроприрую. Жаль, что он не новый, но нечего поделаться! —

Отец все время молчавший, наконец, произнес:

– Нет, если дарить, то новый и с гарантией. —

У мамы нервно задрожали губы и она с упреком бросила мужу:

– Как же так, я ведь просила тебя подарить наш старый видак брату Жорику, но ты ни в какую, а тут чужому человеку такой дорогой подарок! – мама готова была расплакаться. Но отец был не приклонен:

– Эта чужая помогла нашей дочери в ущерб себе, а если бы ее поймали? Я уж не говорю, сколько денег она нам сэкономила, если бы пришлось кому-то сунуть в карман! Права дочь! Заслужила Света дорогого подарка! А Жорику твоему он ни к чему, порнуху если только смотреть. – И отец решительно встал из-за стола и вскоре вернулся с коробкой в котором был новый, еще не распакованный японский видеомагнитофон.

– Тут Майка взликовала, она аж выскочила из-за стола и звонко расцеловала отца с возгласом:

– Ой, спасибо, папа! – потом как-то осеклась и снова присела на стул. Внезапная радость сменилась на ее лице озабоченностью.

– Что такое? – спросил отец, глядя на внезапно померкшее лицо дочери.

– Папа, ты не знаешь Свету, она не возьмет, откажется от такого дорогого подарка. —

Отец задумался:

– Да.., надо ее как-то убедить, мол для работы и все такое... – отец Майки подбирал слова. – Ладно, дочка, утро вечера мудренее. Завтра с утра зайдем и поздравим, а там уж как получится. – добавил он, не глядя на жену.

На следующее утро Майя и ее отец, Виктор Воронов, позвонили в дверь соседей Куприяновых. В руках отца был большой пакет с видеомэгнитофоном известной японской фирмы и букет цветов для матери Светы, а Майя держала букет для подруги. На их лицах можно было увидеть торжественно-счастливое выражение. Отец даже надел новую кожаную куртку по такому случаю.

Дверь открыла Ирина и Вороновы – отец с дочерью, переступив порог, вошли в прихожую, чтобы поздравить Свету с восемнадцатилетием, а ее маму с рождением дочери. Вручив цветы и подарок, совсем растерявшейся Свете, Вороновы быстро распрощались и ушли. Уже после их ухода Света заглянула в пакет и увидела коробку с видеомэгнитофоном фирмы «Sony». Волна радости, подобная восторгу ребенка, неожиданно получившего заветный подарок, сменилась горьким осознанием невозможности принять в дар такую дорогую вещь. Света сразу решила, что видеомэгнитофон необходимо вернуть Вороновым, получив на то согласие и одобрение мамы. Но как это сделать, чтобы не обидеть подругу и ее отца, Света решительно не знала. Поэтому она все же решила дозвониться до Майки и поговорить сначала с ней. Из окна кухни она видела, как Майка садилась в машину к отцу, значит поехала в редакцию. Несколько позднее Света набрала ее рабочий номер телефона, но секретарша ответила, что Майя Воронова уехала по заданию редакции. Света знала, что секретарь всегда так отвечает, когда Майя отсутствует на рабочем месте. На всякий случай, мало ли кто звонит... Так, что ее ответ: – «по заданию редакции» можно трактовать широко и вполне возможно, что Майка сейчас где угодно, может и к себе домой едет, а на часах всего пол второго дня.

Вдруг позвонили в дверь. Света открыла. На пороге стояла Майка с огромным пакетом в руках и счастливо-лукавой усмешкой в васильковых глазах. Света пустила ее в прихожую, указав на большой пакет:

– Ну, а там что? Музыкальный центр? —

На что Майка усмехнулась:

– Скатерть-самобранка! Сейчас будем пировать! Твоя мама где? – спросила она Свету.

– Мама на работе, у нее сегодня операция. —

– Ты больше никого не ждешь? – поинтересовалась Майка.

– Я решила не праздновать, нет настроения совсем. – грустно ответила Света.

– Настроение нужно самим себе создавать! Не зря поется: «В жизни раз бывает восемнадцать лет!»

Разувшись, Майка сунула ноги в тапки и повесив свое пальто на вешалку в прихожей, подняла с пола увесистый пакет и прошла с ним на кухню.

– Что это? – спросила Света, кивнув на пакет.

– Пицца Богов! Икра, крабы, севрюга, колбасы, конфеты, фрукты из папиного магазина. С любовью. – добавила она. – Знаешь, я иногда даже думаю, может зря я не послушалась родителей и не пошла в торговый институт. Вряд ли в редакции достанешь такое. – И она стала вынимать из пакета деликатесы, была там и бутылка шампанского известной марки.

– Что стоишь? Накрывай на стол, тащи тарелки, вилки, рюмки. Будем пировать! – командовала Майка.

Света повиновалась ей. Когда стол был сервирован посудой и дефицитные яства были уже на столе, Света, окинув взглядом стол, сказала:

– Вы с ума сошли, все это стоит кучу денег! —

Майка лишь подмигнула ей:

– Не бойсь, у отца их, как грязи. А тебе пригодится, да и я с тобой с удовольствием отведаю, а вечером мама придет и тоже полакомится! —

Света неуверенно:

– Майя, спасибо, конечно, но у меня к тебе серьезный разговор, я не могу принять от вас такой дорогой подарок, мы с мамой были в шоке, когда увидели, что в пакете. —

На что Майка лишь рассмеялась:

– У тебя сегодня праздник, юбилей! Ты моя лучшая подруга, благодаря тебе я в МГУ попала. Знаешь сколько по слухам стоит туда взятка? —

– Не знаю. – ответила Света.

Майка сказала с усмешкой:

– Уверена, не один такой видак стоит. Так еще и нет таких знакомых – кому сунуть. Там профессора, академики, научная элита. Уж сколько мать искала связи для поступления туда по блату, а так и не нашла. Не тот уровень! Да и я сказала им об МГУ в самый последний момент. Так, что спасибо тебе, подруга! А подарок прими от души. Я же знаю, что он тебе ой, как нужен! И не только на Дэвида своего любоваться, а для дела, для кругозора, для английского, наконец! И давай не порть мне настроение и не обижай отца! Я же говорю, «у него денег, как грязи». Видела бы ты пачки с сотенными в его карманах. —

Света хотела еще что-то возразить Майе, как раздался звонок в дверь. Обе переглянулись. Майя спросила:

– Ты кого-то ждешь? – Света покачала головой в ответ. Обе пошли открывать дверь. На пороге с цветами стоял Алексей. Света пригласила его войти в квартиру. Алексей вошел, поздравил ее с Днем рождения, вручил цветы и завернутый в бумагу подарок. Света развернула упаковку и увидела «Кембриджские курсы», редкое тогда пособие по изучению английского языка, а также портативный плеер и набор аудиокассет к нему. Она очень обрадовалась такому нужному и своевременному подарку, о чем с радостной улыбкой и сообщила Алексею. А Майка со словами:

– Слава Богу, есть кому открыть шампанское! – за руку потащила немного оторопевшего и смутившегося Алексея за собой в комнату к накрытому столу!

– Хоть один мужчина появился в этом бабьем царстве! Как ты вовремя пришел! Открывай и разливай шампанское, первый тост за именинницу! —

Леша открыл шампанское и все выпили за такой прекрасный тост. В легком опьянении у Майки открылся «мешок со смехом». Давно она так не юморила и не подкалывала, совсем смутившихся Лешу и Свету. Она была явно в ударе и на шепот Светы не вгонять в краску Лешу, лишь весело рассмеялась и подмигнула обоим:

– Сегодня праздник, я выпила по случаю совершеннолетия моей дорогой сестренки Светы и, надеюсь, моего будущего родственника (какого она уточнять не стала) Лешки Ларионова. Майка почувствовала, как Света слегка наступила ей на ногу под столом, но Майку «повело»:

– Да, я слегка опьянела, а что с пьяного человека взять? Хочу веселиться и танцевать! Она включила магнитофон, полилась любимая всеми мелодия АВВА, но что-то случилось и он внезапно остановился, отказав всем в музыке. Майка, уже и впрямь захмелевшая, продолжала в своем духе:

– Нет, Светка, срочно выходи замуж! Тебе теперь восемнадцать! У вас все постоянно ломается. Так, – она встала из-за стола – сидеть всем и дожидаться меня! Сейчас свой «Грюндиг» принесу. – и она направилась к дверям. А когда через несколько минут вернулась, оказалось, что с магнитофоном все в порядке, просто шнур отошел. Леше понадобилось немного времени, чтобы это исправить и их любимая, безумно популярная тогда АВВА снова зазвучала, завораживая всех своими волшебными диско-песнями, вошедшими в мировую моду. Время пролетело незаметно, первым с девчонками распрощался Леша, а затем, перед самым приходом матери Светы, ушла и Майка.

Ирина пришла заметно уставшая. Операция была сложной, длительной.

– Мама, мы с тобой договаривались, что сегодня же вернем видео родителям Майи. Я весь день думала, как сделать так, чтобы их не обидеть. Но и принять такой дорожный подарок я не могу. Посмотри, они нам еще и праздничный стол сделали! —

Мама устало улыбнулась:

– Да, видеомэгафон вещь очень дорогая и я согласна с тобой, что принять это как подарок нельзя. А вот купить можно! —

Она достала из сумки увесистый конверт.

– Что это, мама? —

– Мы с бабушкой решили подарить тебе это чудо техники. Сложились на подарок тебе. В конверте тысяча рублей, думаю этого хватит. Сейчас немного передохну и пойдем вместе к Вороновым. —

Минут через пятнадцать Света с мамой уже были в Майкиной квартире, обставленной дорогой импортной мебелью, с богемским хрусталем, сервизом «Мадонна» за стеклами стенки, японской аудио и видеотехникой, стоящей монолитом в углу гостиной. С потолка свисала огромная люстра из чешского хрусталя, а на полу лежал тяжелый вьетнамский ковер с розовыми лотосами на синем фоне. Вся семья Вороновых была в сборе за вечерним чаем. Они пригласили попить чай и своих соседей Куприяновых. Отказаться было неудобно и невежливо. Майка налила в чашки чай и подала его Свете и Ирине. Положила она им на блюдечки и по куску роскошного торта из ресторана «Прага». Начала разговор Ирина:

– Хочу поблагодарить вас, вашу семью за внимание к моей дочери. Но принять такую дорогую вещь в качестве подарка мы не можем. —

Отец Майи не дождался окончания монолога Ирины и прервал ее:

– Вы, Ваша семья, Ваша дочь сделали для нас гораздо больше, чем стоит этот видак. Поэтому прошу, примите. Тем более Вашей дочке он действительно нужен. —

Тут вмешалась Майка, ляпнув по душевной простоте, а может хмель еще окончательно не вышел из нее:

– Тетя Ира, Свете нужно, она мне помогла, папа сам говорил, чтобы туда поступить надо большие деньги на лапу дать, да еще и саму эту лапу надо иметь... —

Отец Майки побагровел. Ирина тоже смутилась от такой неприкрытой откровенности, она продолжила:

– Тем более. Света помогла как подруге, а не за деньги. А то это и впрямь на взятку похоже. Вот, возьмите, здесь в конверте тысяча рублей. Не знаю хватит ли этого? —

Отец Майки потер лоб ладонью:

– И не знаю, что мне с вами делать... мы от нашей семьи, от всей души сделали подарок, а вы к нам с деньгами... просто все настроение испортили. А мы так радовались, что вам наш подарок понравился. – Но видя, что соседки собрались уходить, оставив конверт с деньгами на столе, остановил их:

– Хорошо, если для вас это так важно, давайте говорить по-деловому. Видак стоит триста рублей, это госцена. Понятно, что в магазинах по этой цене его не достать, но у меня есть разные каналы. Поэтому, забирайте сдачу в размере семьсот рублей и спокойно пользуйтесь видео, раз не хотите в качестве подарка. —

Он достал из конверта три сотни, а оставшиеся деньги отдал в руки Ирины. На этом вопрос был закрыт и соседи, поблагодарив за чай, попрощались и ушли к себе. В глубине души Света знала, что названная отцом Майи сумма, в два раза, а то и больше занижена против фактической цены, но мама, совершенно в этом ничего не смыслившая, сразу успокоилась и была обрадована такому завершению этого щекотливого дела. Триста рублей, конечно, для них деньги немалые, но в такую сумму они уложились безболезненно для их семейного бюджета, тем более она сама уже работает. И пусть зарплата у нее небольшая, но все же для них существенная прибавка. Поблагодарив маму, Света успокоилась, теперь ничто ей не будет

мешать наслаждаться видео, смотреть фильмы с ее любимым Дэвидом и продолжать изучать английский. Она почувствовала себя счастливой впервые за последнее время и призналась себе, что очень довольна прошедшим днем рождения.

Глава 7 Мечта приближается

Сегодня у Лешы выпал тот редкий день, когда он свободен. Занятия в училище закончились рано и он решил съездить в центр Москвы, побродить по любимым улицам, может сходить в кино. Осень одарила теплыми, солнечными деньками, стоит настоящее «Бабье лето». В парках около цветников сладко пахнет алиссум, мелкие белые соцветия которых источают медовый аромат, привлекающий насекомых и поздних бабочек.

В киоске «Союзпечать» на центральной улице Горького, рядом с издательством «Известия», он познакомился с женщиной-киоскером и договорился с ней, чтобы она оставляла для него журналы и газеты с публикациями о Дэвиде Хейворде. Сегодня ему повезло, в польском журнале опубликована статья о нем с фотографиями. Купив журнал и отойдя в сторону от плотного людского потока, непрерывно текущего по главной улице столицы, Алексей, внимательно вглядываясь в красивое лицо кинозвезды, улыбающееся с обложки, произнес:

– У тебя тоже нет шансов. – и аккуратно убрал журнал в свой дипломат. Журнал он отдаст Майе, чтобы она передала его Свете. – Только пусть не говорит, что это он купил, а скажет, что взяла в редакции. Главное доставить ей радость. А ему так бы хотелось сходить с ней в кино, в театр, погулять по Москве. Они изредка встречаются, в основном случайно, пересекаясь в ее дворе. Каждый раз проходя мимо Светино дома, он надеется увидеть ее. А Света всегда торопится на работу или домой с работы, часто не замечая его, погруженная в свои мысли, наверняка об этом красавчике из Голливуда, который и ничего не знает об этом, а лишь всем улыбается с обложек журналов. А его, Лешу она воспринимает только как друга детства, почти как брата. Ведь если б не Майка, он так и не решился бы прийти к ней на День рождения, да еще и посидеть за столом. Майка схватила его за руку и буквально потащила за собой. Даже немного стыдно за себя... Он, без пяти минут офицер, не такой уж и слабак на учениях, а перед девушкой робеет, как подросток, а ему ведь скоро двадцать! —

Осень в этом году прошла как-то незаметно для Светы. Жизнь протекала в однообразном ритме: работа, подготовительные курсы МГУ, дом, а в выходные еще и занятия английским. Времени практически нет, вернее, оно расписано по часам и минутам. Новый год тоже прошел незаметно и даже буднично. Майка на праздники уезжала с родителями в Сочи, была там всего-то несколько дней, но вернувшись сказала, что Новый год с пальмами и без снега, это, конечно, интересно, но с елками и со снегом как-то привычнее и радостнее. Хотя призналась, что поменять обстановку иногда полезно и даже необходимо, с ней трудно не согласиться.

Сегодня у Светы выходной после суток, можно немного отдохнуть и, наконец, отоспаться, но вдруг в квартире раздался звонок. Звонок безотрывный, так никто не звонит. Света поспешила открыть дверь. На пороге стояла Майка.

– У меня таакая новость!!! – чуть ли не прокричала она с порога, буквально ворвавшись в квартиру Куприяновых.

– Ну, Светка, держись за стенку, не упади! Дэвид в Москве! Приехал неожиданно, никто об этом не писал, все с держалось в тайне по условиям контракта! Представляешь, он сейчас где-то неподалеку, дышит с нами одним московским воздухом! – и только заметив Светину неестественную бледность от этой фантастической новости, умолкла с тревогой глядя на подругу.

А Свете и в самом деле стало нехорошо, ноги вдруг ослабли, не хватало воздуха и она осела на обувную галошницу в прихожей. Майка заволновалась:

– Тебе что, плохо? Водички дать? Может скорую вызвать? —

Света усилием воли взяла себя в руки:

– Нет, Майя, не надо никакой скорой. Просто все так неожиданно... —

А Майка застрекотала со скоростью пулемета:

– Ой, что в редакции творится! Только сегодня узнали! Наша главная Змейка на больничном, очередное «воспаление хитрости», но это как раз и к лучшему! А сейчас – самое главное... только крепче держись на стуле! Мне дали в редакции задание взять интервью у Дэвида Хейворда! Так уж сложилось, что во всей редакции всего трое прилично знают английский: одна пожилая тетенька-переводчица, я и главная Змейка, но она больна, а интервью назначено на завтра, так как Дэвид приехал всего на два-три дня. Поэтому мои шансы высоки, вернее, наши с тобой шансы. Ты пойдешь со мной в гостиницу «Интурист». Сможешь завтра с утра? —

– Да, завтра я выходная. – тихо ответила Света.

– Все складывается как нельзя лучше! – обрадовалась Майка. – Сейчас будем думать в чем пойдем. Ой, сколько дел навалилось сразу! – не уgomнялась она.

– Пойдем ко мне, выберешь в чем завтра пойдешь на интервью. Мы должны быть на высоте! – Майка буквально за руку потащила упирающуюся Свету в свою квартиру. Но Света лишь покачала головой:

– Не надо, у меня все есть. Надену водолазку с юбкой, это просто и мне идет. Интервью ведь ты будешь брать, а я, вообще, ни при чем. Вот только сапоги у меня старые, но где мне за ночь другие купить. —

– Сапоги есть у меня! Новые австрийские! Сейчас принесу. —

Через несколько минут Майка вернулась с большой обувной коробкой, в которой лежали великолепные черные замшевые сапожки на высоких шпильках.

– Глянь какая красота! Легкие, теплые, а мягкие, как перчатки! Самые модные в этом сезоне! – Не без гордости констатировала Майка. – Примерь! – и она протянула Свете сапоги.

Сапоги оказались впору и сидели на стройных Светиных ножках просто идеально!

– Как на тебя сшиты! Австрийская обувь – самая лучшая! Запомни подруга: прическа и обувь – главное, что создает законченный образ женщины. Наша главная Змейка так говорит. —

– С каких это пор главная Змейка стала для тебя авторитетом? – улыбнулась ей Света. – Ты ее терпеть не можешь. —

– Ну, что касается стиля и моды, надо признать, в редакции ей нет равных. Не забывай, журнал наш – женский и публикует материалы о моде, семейной психологии, о любви. А Змейка в вопросах модных новинок – Асс! Не зря ездила в Париж, освещать неделю высокой моды. Счастливая! Конечно, она любовница главного и не особо опровергает слухи об их «теплых» отношениях, а он давно и прочно женат. —

Заметив выражение Светиных глаз, Майка продолжила свой монолог:

– Чему ты так удивлена? Светка, сейчас это сплошь и рядом! Се ля ви! Я столько историй о материнских подружках наслушалась! Вон и у отца тоже есть любовница в магазине, а еще и в главке! Мать знает, но молчит, принимает как закономерность. Если у мужика денег много, то будь уверена, всегда найдутся особи женского пола, которые захотят с ним эти деньги тратить. —

Тут она прервала свою тираду, поглядев на Свету:

– Так, а что у тебя будет на голове? В смысле прическа какая? Давай вместе в салон завтра с самого ранья, я позвоню Марии Петровне, маминой знакомой... —

Света отрицательно замотала головой:

– Нет! Голову помою и косу заплету. —

– Нет, ты что, как школьница с косой! Тогда уж в хвост собери, тебе идет и просто, и стильно! Волосы – твой конек, я бы вообще их распустила, но тогда боюсь, Дэвид будет не в состоянии давать интервью и все свое внимание на тебя переключит. —

Света с улыбкой:

– Май, неужели и вправду мы завтра увидим его? —

Майка открыла свою сумочку и достала редакционное удостоверение и направление на интервью от журнала «Жизнь женщины».

– А это что? – Не без гордости сказала она, держа в руках документы. – Да, не забудь паспорт взять. В «Интуристе» с этим строго. Ну, все! С тобой разобрались, пойду сама собираться в чем предстать перед твоим Дэвидом Хейвордом. Свалился понимаешь, как снег на голову! – не без кокетства добавила она.

Когда за Майкой закрылась дверь, только тогда Света окончательно поняла, что за день ей предстоит завтра. Сбылись ее самые желанные мечты. Он в Москве, завтра она увидит его и наверняка получит заветный автограф!

Глава 8 Когда сбываются мечты

Утро следующего дня порадовало солнцем. На улице был легкий мороз, а на высоком небе расплескалась безбрежная лазурь. Свету радовало, что сегодняшняя встреча произойдет при такой ясной, жизнерадостной погоде, характерной для конца зимы с ее антициклонами. Впрочем, сегодня любая погода будет всего лишь фоном, дополнением к ее счастью. Майка уже вернулась из салона с роскошной стрижкой, вся разодетая в импорт из «Березки», благоухающая модными французскими духами. Она настаивала, чтобы и Света воспользовалась ее косметикой и духами, но та категорически воспротивилась. А волосы, как и советовала подруга, Света собрала в высокий «хвост». А что еще делать с такой лавиной длинных прядей, достигающих ей до колен...

Отец Майки подвез их к метро Краснопресненская, дело осложняло то, что Света, не привыкшая ходить на высоких тонких шпильках, неуверенно шла по обледенелому тротуару и не могла быстро идти по улице. Майка давно на шпильках бегаёт и зимой, и летом, ей это привычно. Отец хотел подвезти их к самому «Интуристу», но Света сказала, что на метро гораздо быстрее, всего-то две остановки с пересадкой.

Спустившись в метро, девчонки почувствовали на себе со всех сторон взгляды. Не было никого, кто бы не загляделся на красавиц, даже дети смотрели на них с восторгом, а одна девочка лет пяти воскликнула:

– Принцесса! —

К кому из них двоих относился ее возглас, подружки, конечно, уточнять не стали, – то ли к одетой в роскошную дубленку Майе, а может и к Свете в скромном пальто поверх которого была накинута павлопосадская шаль, делавшая ее больше похожей на русскую красавицу из сказки, чем на принцессу. Они лишь улыбнулись девочке и быстро вышли из вагона на станции Проспект Маркса, теперь носящую название Охотный ряд.

Гостиница была в двух шагах от метро, окна фасада выходили на Красную площадь и бой кремлевских Курантов был слышан отовсюду. Когда девушки вошли в здание гостиницы «Интурист», Майка незаметно шепнула Свете:

– Теперь слушайся меня, говорить буду я, а ты молчи. —

Они вдвоем подошли к стойке администратора гостиницы. Майя достала из сумочки редакционное удостоверение с паспортом и предъявила их дежурному администратору, та посмотрела, а затем спросила, указывая на Свету:

– А эта девушка? – Майка, не моргнув глазом, ответила:

– Это девушка фотограф из редакции. —

Администратор, внимательно посмотрев на них, а затем на доску с ключами от номеров, сказала:

– Мистера Хейворда сейчас нет в номере, подождите в холле.-

Девушки прошли в большой просторный холл и уселись в мягкие кресла напротив центрального входа в гостиницу. Здесь им будет легче увидеть возвращение знаменитости. Перед глазами постоянно мелькали красивые роскошно одетые девушки. Стайки «жриц любви», а попросту валютных проституток под прикрытием сутенера здесь дело привычное, их никто не трогает, все как бы не замечают, они здесь свои. А вот незнакомые девушки, одиноко сидящие в холле, привлекли к себе внимание и буквально через несколько минут к Майе и Свете подошли двое молодых людей в штатском. Представившись сотрудниками, отвечающими за порядок в гостинице, попросили предъявить документы, поинтересовавшись кого девушки ожидают в холле гостиницы «Интурист». Майя предъявила свои документы, повторив еще раз, что она является сотрудницей журнала «Жизнь женщины» и дожидается киноактера Дэвида Хейворда, чтобы взять у него интервью. Затем оперативники Аркадий Пospelов

и Александр Быстров попросили документы у Светы. Она раскрыла сумочку, но не обнаружила там своего паспорта. Несмотря на все доводы и попытки Майи убедить оперативников в том, что Света часть ее команды, что она ответственна за фотосъемку на интервью, старший по званию лейтенант госбезопасности Поспелов отдал распоряжение своему подчиненному, младшему лейтенанту госбезопасности Быстрову проводить девушку к выходу из гостиницы. Александр молча выполняет приказ и повел Свету к служебному выходу на улицу.

В конце длинного темного коридора Александр распахивает перед девушкой дверь служебного выхода и Света оказывается на улице, где на заснеженных задворках располагаются технические службы гостиницы. Здесь даже дворник еще не поработал лопатой и песком. Света на тонких шпильках оказалась на самой вершине обледенелой возвышенности. Рядом ступеньки и поручень пандуса, но яркое солнце светит прямо в лицо девушки, слепит глаза. Она теряет устойчивое равновесие, скользит и с трудом удержавшись на ногах, съезжает с обледенелой горы вниз к проезжей части проходного двора. В этот самый момент, проезжающая мимо черная «Волга» резко тормозит, открывается дверца машины и из нее прямо на пути девушки возникает мужчина, успевший широко раскинув руки, поймать ее, не дав упасть под колеса машины.

Она падает в его объятия, шаль соскальзывает с ее головы, волосы разметались и золотистым водопадом касаются земли. А он крепко держит ее на своих руках. Они смотрят глаза в глаза и не могут оторваться друг от друга. В ее глазах отражается синева высокого неба, нежные розовые губы полуоткрыты и легкое облачко ее дыхания смешивается с его дыханием, настолько рядом их лица. Дэвид, улыбаясь помогает ей встать на ноги, заботливо поддерживая, спрашивает по-английски: «Как Вы? Все в порядке? Вас проводить? Шофер может отвезти Вас»

Он, голливудская знаменитость, помогает ей дойти до тротуара. Девушка не в состоянии ответить и понять, что с ней происходит, она совсем потеряла связь с реальностью, а он говорит ей на прощание:

– Гуд бай, Рапунцель! —

Света уходит, а Дэвид Хейворд продолжает смотреть ей в след. В это время из машины вышел молодой высокий мужчина и напомнил, что нужно поторопиться, так как у них назначено интервью и времени совсем в обрез. Не мешкая, они поднимаются по боковым ступеням пандуса и входят в гостиницу через служебный вход-выход.

Москва конца 70-х, еще не обремененная пробками, машин немного даже на центральных улицах города, да и людей немного, рабочий день уже начался. Света отрешенно бредет по заснеженной Москве, заходит в метро и едет домой. Она, как во сне... И вот ее двор, ее дом... еще окончательно не придя в себя, Света заходит в свою квартиру.

Где-то спустя час в квартиру Куприяновых нервно и настойчиво позвонили в дверь. Света открыла, на пороге стояла Майка. Вся взвинченная, она буквально ворвалась в квартиру с громким возгласом:

– Нет, ну ты представляешь! Такую подлость со мной устроить! Нет, у отца в магазине в сто раз честнее люди, чем в этом гадюшнике «Жизнь женщины»! У него хоть все ясно: здесь любовницы, здесь товар-деньги-товар! А в редакции все с улыбочкой, все культурненько гадо-сти делают! Я, как идиотка сижу, дожидаясь Дэвида, вдруг вижу входит в гостиницу главная Змея-Кобра с редакционным фотографом. Только-только из салона, вся такая шикарная, при параде. Ну, я к ней! А она говорит: «Ты можешь идти, я буду брать интервью!» Короче, я, как дура, убралась восвояси! Ой, какая я злая!!! —

И тут только она замечает, что Света не слушает ее, а сидит безучастно с счастливым выражением лица. Майка даже осеклась на полуслове:

– Ты чего улыбаешься? —

Света, наконец, приходит в себя и рассказывает о необыкновенной встрече с Ним.

Потрясенная Майка спрашивает:

– Ну, ты хоть автограф у него взяла? —

Света с радостной улыбкой в ответ:

– Я видела его! Была в его руках, глядела в его глаза! Мы дышали с ним одним воздухом, я чувствовала силу и нежность его рук. Я такая счастливая! Сбылись мои самые лучшие сны! —

Пораженная этим событием, Майка тихо уходит к себе, оставив подругу одну. А Света включает свою самую любимую музыку, ложится в своей комнате на диван и погружается в воспоминания о сегодняшней встрече со своим кумиром, со своей мечтой, ее счастьем нет дна...

Глава 9 Звезды тоже сомневаются

Интервью закончено и Дэвид Хейворд, наконец, остался один в своем роскошном гостиничном номере люкс с окнами, выходящими на Кремль. Пресс-секретарь Сэм пошел провожать эту русскую журналистку из какого-то гламурного журнала.

Все прошло стандартно-сухо, вяло и неинтересно, на эти вопросы он уже сто раз отвечал в самых разных СМИ. Не обошлось и без вопроса о его неземной красоте, которая ему, дескать, мешала получать серьезные роли. Дэвид внутренне усмехнулся, встал с кресла и подошел к огромному во всю стену зеркалу гостиной, в котором отражается московский Кремль с его звездами на башнях. Впечатляет, особенно вечером и ночью. Он подошел вплотную к зеркалу, внимательно вглядываясь в свое отражение в полный рост. С фигурой у него все О кей! Он, по-прежнему, гибок и строен. А вот на лице безжалостное время уже ставит свои печати. Тридцать два исполнилось недавно! Нет, до старости еще далеко, еще горят глаза, улыбка по-прежнему манит к нему поклонниц. В фильмах он, вообще, выглядит моложе, а многие утверждают, что с годами он становится все более харизматичным и мужественным. Да, в ранней юности он и в самом деле был несколько слащав, этакий *sweet boy* или *sugar boy*, хрупкий блондин с голубыми глазами в длинных ресницах. Ох, и доставалось ему в школе от мальчишек за его девчачью, ангелоподобную красоту! Били постоянно, а он терпел, вжавшись в стену. Потом стал сниматься в телесериалах, играть в театральных постановках, бросил школу с ее издевательствами от одноклассников. И вот он, признанная Звезда мирового кино! Миллионные гонорары, награды, кинофестивали, нескончаемая череда любовниц и армия поклонниц, мечтающих взять автограф или хотя бы прикоснуться к нему. А уж ночь провести с ним... Сколько заманчивых и непристойных предложений было у него с тех пор, как он заявил о себе в искусстве... были и предложения от голубой тусовки, за которой стояли влиятельные боссы Голливуда, а также предложения руки и сердца от вдов-миллионерш, от богатых наследниц. И как только он удержался на краю и не пал в пучину страстей и пороков богемы! Семья, родители, хорошие умные книги и театр, – вот что спасло его и не дало соблазниться на низменные пороки. Он иногда грешит тем, что играет и в жизни, привык лицедействовать, надевать спасительные маски, которых у него множество. Так проще жить, а главное, люди сами хотят, чтобы он соответствовал своим экранным героям из их любимых мелодрам. А он, напротив, стремился уйти от образа героя-любовника, экспериментировал со своей внешностью, часто стараясь играть почти уродцев. Только после нескольких подобных ролей, критики признали в нем талант и «простили» ему его красоту. А скоро время и вовсе сотрет ее с его лица, появятся новые молодежные кумиры, но в тайных уголках своей души, он знал, чувствовал, что подобных ему и Алену Делону пока нет, тоже пишут и в СМИ.

Дэвид отошел от зеркала. – Странное чувство у него осталось от проведенного интервью... нет, он вел себя вполне профессионально, старался как мог поддерживать эту горе-журналистку с ее заезженными вопросами. Он играл по полной, старательно изображая заинтересованность и неожиданную реакцию на своем лице, но как это все начинает раздражать! Он ясно осознает, что все больше и больше окружает себя ирреальным миром и сам становится заложником своих ролей, подавляя в себе свое настоящее, живое начало, то что заложила в нем природа и его семья. Сегодня утром он встретил девушку, вернее, она сама упала к нему на руки и он все еще под впечатлением от этого: от ее глаз, волос, от всего ее нежного юного облика. В его душе светло и прекрасно. В то мгновение, что она была в его руках, он вновь почувствовал себя прежним, как в молодости. Он был собой! —

Размышления Дэвида прервал своим появлением пресс-секретарь Сэм Моррис. Войдя в номер-люкс босса и посмотрев на часы, он предложил спуститься в ресторан гостиницы, чтобы пообедать. Дэвид согласно кивнул.

Посетителей в ресторане мало, зато много одиноко скучающих девиц, старающихся привлечь внимание этих двоих иностранцев, но все тщетно, иностранцы не замечают их призывных взглядов.

Сэм внимательно смотрит на Дэвида, наконец, тот выходит из раздумий:

– Я все еще под впечатлением сегодняшнего утра. Это интервью, фотосессия, я там как бы отсутствовал, мысленно я был с той девушкой, упавшей мне на руки. Ее глаза, ее волосы! Настоящая русская Рапунцель не выходит у меня из головы. Давно так никто не волновал меня! Ее взгляд, полураскрытые губы, которые мне так хотелось поцеловать. Это как в юности, когда все впервые. —

Пресс-секретарь бросил с легкой усмешкой:

– Ну, ты и романтик! В Голливуде столько красоток перецеловал и даже премии за это умудрялся получать... —

– Да, но это все игра, а здесь все было по-настоящему и она тоже. В Голливуде редко увидишь что-то настоящее, глядишь, как и это под стандарт подгонят. Совсем нет личностей. —

Секретарь Сэм не удержался от вопроса:

– А эта девушка – личность? —

– Несомненно! – ответил Дэвид.

– И как ты распознал? Ведь она не проронила ни слова. Она, наверное, и не поняла твоего английского... —

Дэвид мечтательно:

– Я все увидел в ее глазах. —

– И что ты там увидел? – поинтересовался Сэм

– Любовь. —

Сэм рассмеялся:

– Ну, чем удивил! В тебя влюблены девушки по всему миру. Она молоденькая, может и фильмы твои не смотрела. Что-то я не заметил здесь рекламы и кинотеатров довольно мало. Да, сегодня нам с тобой предстоит вечерний банкет с местными чиновниками и боссами, тебя ожидает горячий прием их жен, дочерей и любовниц. Так, что готовься к атаке, еще успеем немного отдохнуть, а завтра рано утром в самолет и прощай промерзшая Москва, полетим туда, где тепло, в Лос-Анджелес! —

И, увидев, идущего к их столику официанта, с предвкушением добавил:

– А теперь давай обедать, нам несут попробовать блюда русской кухни. —

Солнце все больше отвоевывает себе пространство, особенно это стало заметно по утрам. Сегодня уже первое февраля, а в марте утренние солнечные тучи постепенно заполняют всю ее комнату. Света любит солнце по утрам, нерадостно осенью и темной зимой пробуждаться по звонку будильника, гораздо приятнее просыпаться от горячего солнечного луча. Она потянулась и с улыбкой села на кровати. Пошел отсчет времени от вчерашнего счастливого дня – 31 января, она отметила его на календаре. Сегодня второй счастливый день, завтра третий... теперь все дни будут счастливые после встречи с Ним!

Света встала, приблизилась к зеркалу: – Девчонка, как девчонка, худенькая, большеглазая... нет, не красавица, таких как она полно. Ну, разве что волосы... Да, волосы выделяют ее из толпы. Она знает, стоит ей распустить их или просто заплести в косу, то внимание ей обеспечено везде: на улице, в метро, в магазине. А вот на работе она сворачивает волосы в тугий узел и прячет под косынку, иначе нельзя, да и ей удобнее. Майка зовёт с собой в парикмахерскую сделать модную стрижку. Нет, к этому она пока не готова, хлопот много, стрижку надо укладывать, тратить время, которого всегда не хватает.-

Света слышит, как вернулась после ночного дежурства мама. Постучав, она открыла дверь комнаты дочери:

– Доброе утро, дочка! Пора тебе собираться! Я пришла с работы, а ты уходишь на работу. И поговорить нам некогда. – Мать внимательно смотрит на дочь:

– А ты какая-то другая, светишься вся... влюбилась? —

Света улыбаясь:

– Да, и давно... —

Мама испытующе всматривается в дочь:

– В кого? —

– В свою мечту. —

Вздыхнув, мама слегка качает головой:

– Эх, вся в меня. Промечтаешь так всю жизнь, здесь Принцы не ходят.

– Иногда они прилетают, – немного помолчав, задумчиво отзывается дочь. – мамочка, я очень счастливая! Ну что тебе еще надо? Порадуйся за меня! – и она быстро скрывается в ванной.

Надо торопиться, больные ждут! Мать ставит на плиту чайник, делает бутерброды с колбасой и сыром, заворачивает в фольгу и кладет в сумку дочери. У них всего несколько минут общения за завтраком, и так частенько, их выходные совпадают редко. Ничего не поделаешь, издержки посменной, но любимой работы, что очень важно для Ирины. В душе она иногда упрекает себя, что мало бывает дома: – Вот и дочка незаметно выросла, а много ли она знает о ней, о чем она думает, мечтает? Решила стать журналисткой... и все же ей, как матери, немного странен ее выбор, она-то надеялась, что дочь пойдет по их с бабушкой стопам, выучится на врача. Ну, что же, это ее осознанное решение, ее мечта. —

Наскоро позавтракав и чмокнув мать в щеку, Света надевает пальто и схватив сумку, выбегает из подъезда на уличный мороз. Как хорошо, что она в своих старых сапогах на низких каблуках! Проходными дворами можно быстро добежать до метро. Она пробегает мимо идущего в курсантской форме Алексея, не заметив его, а он остановился, глядя ей в след.

Все утро Света помогала медсестрам и врачам, ей теперь разрешают и уколы делать, и капельницы ставить, многие пациенты говорят, что у нее легкая рука и уколы она делает безболезненно. Все больше и больше Свете нравится ее работа, она с удовольствием учится у опытных медсестер и коллеги платят ей взаимностью за безотказность и дружелюбие. Поначалу некоторые к ней относились настороженно, наверняка кое у кого было подозрение, что она временная, пришла ненадолго, поступит в свой институт и все... И нечего с ней время тратить, учить ее. Но постепенно медики заметили и оценили, что их новая коллега Света Куприянова не гнушается никакой, даже самой черной работы. Выносить и мыть судна из-под больных – дело малоприятное, но девушка она ответственная, старательная, сообразительная, поэтому люди поверили в нее и охотно стали делиться с ней навыками, приобретенными за годы работы в медицине.

В обед, когда Света и ее коллеги пили чай в их служебном помещении, кто-то включил телевизор. В новостях показывали материал, посвященный краткому визиту Дэвида Хейворда в Москву; съемки его прогулок по территории Кремля, а также сильно урезанное интервью, то самое, которое у него брала главная Змейка или Кобра, как ее теперь называет Майка. Света завороченно смотрит на экран и улыбается своему кумиру, как старому знакомому.

Глава 10 Падение

Вот и наступила весна 1979 года. Света по-прежнему работает в военном госпитале, Леша Ларионов заканчивает военное училище в Москве, а Майя продолжает свою внештатную работу все в том же журнале, где случайно узнает от одной из сотрудниц, что летом на московский кинофестиваль приедет Дэвид Хейворд.

– Но это интрига, никто еще точно не знает, – как сказала Майе сотрудница из отдела культуры и рекламы, – приедет процентов на восемьдесят-девяносто.-

Девчонки, особенно Света, ждут лета с волнением и трепетом. Фестиваль состоится где-то в конце июля. А в августе Света опять будет поступать на журфак МГУ, на вечерне-заочное отделение и продолжать работать в госпитале, нужно помогать маме. Работа в госпитале нравится ей, но поступить в МГУ, стать журналисткой – ее давняя заветная мечта, которой она не изменит ни за что.

Все свое свободное от работы время Света посвящает учебе, чтению книг, а также своему дневнику. Он единственный, кому она доверяет все свои секреты, о которых даже маме и подруге не рассказывает.

А вчера вечером к ней в квартиру позвонила Майка, как всегда оживленная, шумная и прямо с порога, не заходя в квартиру, выпалила:

– Все, узнала! МКФ состоится с 17 по 27 июля! Так, что готовься к встрече! – и захлопнула дверь, оставив подругу совсем ошарашенной этой новостью. Едва придя в себя, Света достала дневник, где сделала новую запись:

– Ура! Он приедет в июле на МКФ! Как я жду его! Как жду лета, как никогда раньше не ждала! —

И вот наступил он, такой долгожданный июль 1979 года. Город весь в зелени, бьют фонтаны на городских площадях, люди в парках и скверах едят вкусное московское мороженное, прячась в тени от жары. Москва прекрасна. Девчонки шутят, что теперь Света не скатится с горки прямо в руки Дэвида.

Майке – главной добытчице информации, удалось «подкупить секретного агента» в их редакции. Коробка шоколадных конфет, банка растворимого кофе и сотрудница отдела рекламы слила ей информацию где остановится Дэвид Хейворд: все в той же гостинице «Интурист», где он останавливался зимой. Он приедет в качестве почетного гостя МКФ, привезет свой внеконкурсный новый фильм. Просмотры фильмов будут проходить в кинотеатре «Россия». Билеты на открытие и показ его фильма достать невозможно! Но будет проход по красной дорожке, а следовательно, возможность увидеть его!

И вот наступил долгожданный день 17 июля, день открытия МКФ. Перед кинотеатром «Россия» уже выстелена красная дорожка, по бордюру стоят большие вазоны с ярко цветущими анютиными глазками, настурцией и другими летними цветами. Погода радует любителей жары своим открытым, безоблачным небом, с которого льется июльское горячее солнце.

У барьера, ограждающего красную дорожку, ведущую по широкой лестнице к центральному входу в кинотеатр, толпится народ. Много молоденьких девушек, в волнении ждущих своего кумира, несравненную голубоглазую звезду Дэвида Хейворда. По толпе пронесся слухок, что Дэвид уже в кинотеатре, что ждать надо было не здесь, а в другом месте, где он и прошел незамеченным. Перед барьером царит толчея и неразбериха.

Майка расталкивает всех с редакционным удостоверением в руке:

– Пропустите, я – журналистка! —

Ей все же удается пробраться к ограждению, за которым по красной дорожке уже начали проходить известные и не очень деятели кинематографа. Люди аплодируют узнаваемым лицам, некоторые из них торопливо раздают автографы, спеша подняться по лестнице к главному

входу кинотеатра. Свете не удалось пробраться вслед за Майей, толпа оттеснила ее к самому краю, где вообще ничего не увидеть. Она отошла назад и встала на небольшое возвышение, с которого ей было видно происходящее на красной дорожке.

Вдруг подъехала Волга, из нее быстро вышел Дэвид Хейворд в черном смокинге с бабочкой, потрясающий голливудский красавец! Стали слышны приветственные возгласы. Толпа задвигалась, раздались аплодисменты. А он стоял в сопровождении своего долговязого пресс-секретаря и какой-то женщины средних лет, видимо, переводчицы.

Майка, стоящая у самого края ограждения, оказалась совсем близко и воспользовавшись этим, по-английски обратилась к Дэвиду:

– Мистер Хейворд, пожалуйста несколько слов Вашим поклонникам. —

Дэвид подошел к барьеру, где множество рук протянули ему программки МКФ для автографов. Он стал их подписывать и дойдя до Майи, расписался на двух программках (вторая была для Светы), затем, улыбаясь и глядя прямо в лицо Майе сказал:

– Вы что-то хотели узнать, мисс? – Майка не нашла ничего другого, как спросить:

– Как вам Москва? Какая лучше летняя или зимняя? —

Дэвид, не растерявшись ответил:

– Москва прекрасна и зимой, и летом. Главное – солнце и улыбки друзей! – и улыбнувшись Майе еще раз своей обворожительной улыбкой, махнул на прощание толпе, повернулся и быстро зашагал по широкой лестнице ко входу в кинотеатр, где его и сопровождавших его лиц, дожидались хозяева МКФ во главе с небезызвестным всей стране режиссером, а также министром культуры, директором Мосфильма и другими лицами из руководства, прибывшими на открытие кинофестиваля.

Света, неотрывно наблюдавшая со своего возвышения, стояла не в силах оторвать взгляд от уходящего Дэвида. И пусть ей не удалось пробиться к барьеру, она все же увидела его.

Майка выбралась из толчеи и поискав глазами Свету, находит и идет к ней через толпу зевак.

– Ну, что же ты... он мне дал два автографа, но пока вылезала, я его то ли обронила, то ли кто-то вырвал его у меня в толкучке. Зато мне удалось разговорить его и даже взять маленькое интервью! – не без гордости сообщила Майка! – Не зря отец мне репетиторов по языку нанимал, о чем бы я смогла его спросить без языка? – радуется она.

Дэвид уже прошел в здание и девчонки отправились в расположенный рядом скверик поискать свободные места на скамейках вблизи большого фонтана, что у памятника Пушкину перед центральным входом в кинотеатр «Россия», где всегда устраивают международные кинофестивали. Присев отдохнуть на скамейку под душистой липой в цвету, Света сказала Майе, что останется дожидаться выхода Дэвида после открытия фестиваля. Майка ответила, что она лично поедет домой и дожидаться Дэвида здесь до самой темноты не будет, она на этот «подвиг» не готова, да и все, что хотела она уже получила.

– Ты уж не обижайся, устала я, да и ноги мне все оттоптали. – С этими словами Майка встала со скамейки и ушла, оставив Свету на лавочке перед кинотеатром.

На город опускались вечерние сумерки. Воздух вокруг напоен ароматом цветущих лип и городских цветов, которых было повсюду множество. Света сидела на скамейке в коротком платьице из голубого шелка, в том самом, что ей сшила мама на выпускной вечер. Ее длинные волосы, перехваченные лентой, были подобны шелковистому водопаду из золотистых прядей. Она давно уже потеряла счет времени, ожидая окончания торжества, надеясь еще раз увидеть Дэвида хоть одним глазком. Опоздавшие на открытие МКФ поклонницы из провинции, кучкуются рядом в скверике. Вдруг кто-то крикнул:

– Выходят! —

И все, как по команде, побежали к кинотеатру. Света тоже с ними побежала, на этот раз ей хотелось быть поближе к ограждению, на улице уже темнело и было плохо видно. Гости и зрители уже выходили из кинотеатра, проходя совсем рядом.

Толпа иногородних поклонниц бросилась к ограждению. Кто-то толкнул Свету, больно зацепив за волосы и она упала прямо под ноги ничего не видящих в сумерках фанатов. Света оказалась на асфальте, ее волосы рассыпались в дорожной пыли, но никто не обращал внимание на упавшую девушку. Никто, кроме Дэвида Хейворда, проходившего мимо как раз в этот момент в окружении членов жюри фестиваля, именитых гостей и приглашенных деятелей кино. Дэвид быстрым движением отодвинул ограждение, поднял с земли почти затоптанную девушку и на своих руках понес к машине. Света вся в царапинах и ссадинах, ее волосы разметались, касаясь земли, но Дэвид узнал ее и произнес:

– Рапунцель! —

Она теряет сознание, а Дэвид Хейворд, голливудская звезда, на своих руках относит девушку в машину, усаживается рядом и велит ехать в гостиницу, чтобы там оказать ей помощь и вызвать врача. Гостиница совсем рядом буквально в нескольких минутах езды от «России». Они быстро подъехали к «Интуристу» и вот Дэвид внес на руках Свету в свой номер-люкс, кладет ее на огромную кровать и открывает балконную дверь, чтобы было больше воздуха. Живительная прохлада позднего вечера заставляет девушку прийти в себя и открыть глаза. В комнату вошел пресс-секретарь Дэвида, Сэм Моррис и сообщил, что скорую помощь уже вызвали, затем ушел встречать врачей.

Дэвид и Света остались одни, комната заполнена мягким полумраком хрустальных бра на стенах спальни. Дэвид присел на кровать рядом со Светой и когда она открыла глаза спросил, как она себя чувствует и чтобы она не волновалась, скоро приедет врач. Он сидит совсем рядом, любуясь ее волосами и нежно прикасаясь к ним сказал:

– Я узнал тебя, Рапунцель! Зима, мороз, снег... —

Света смотрит на Дэвида, его лицо так близко... они глядят друг другу в глаза и у нее невольно наворачиваются слезы. А Дэвид наклоняется к ней еще ближе, чтобы утешить ее, гладит по волосам и лицу. У Светы вырывается с мольбой и отчаянием:

– I love you, I love you! —

Он наклоняется и целует ее в губы.

В этот момент открылась дверь, вошел пресс-секретарь с врачами скорой помощи, а с ними оперативник Аркадий Поспелов. Из коридора, через раскрытую дверь смотрит его напарник Александр Быстров. Затем все посторонние вышли и врач начал осматривать девушку. Фельдшер скорой обрабатывает раны, дает обезболивающее. После осмотра пациентки врач, выйдя из гостиничного номера в коридор, обратился к служащему по безопасности гостиницы «Интурист» Аркадию Поспелову:

– Переломов у девушки нет, много ушибов и ссадин, надо обрабатывать раны антисептиками. Я дал обезболивающее, надо будет повторить если снова возникнет боль, вот таблетки. — и он протянул оперативнику лекарства.

Аркадий поблагодарил врачей, затем заверил Дэвида и его секретаря, что они, как представители охраны и правопорядка гостиницы, позаботятся о девушке. Здесь есть комната, где она сможет отдохнуть и прийти в себя, а потом они отвезут ее домой. Аркадий под руку уводит Свету из номера-люкс Дэвида Хейворда.

А Дэвид Хейворд с секретарем Сэмом Моррисом остались вдвоем в номере люкс лучшей московской гостиницы, соответствующей статусу мировой кинозвезды.

Дэвид первым нарушил молчание:

– Ты узнал ее? —

Пресс-секретарь удивленно поднял брови:

– Кого? —

– Это же Рапунцель! Помнишь, она зимой упала ко мне в руки возле этой же гостиницы? —

Сэм напрягся:

– Рапунцель? Это ее имя? —

Дэвид, замявшись:

– Я, к сожалению, не спросил ее имени. Я был поражен снова увидеть ее.

Сэм сел в мягкое кресло и усмехнулся:

– Что тут удивительного, она твоя фанатка. Узнала, что ты приехал, вот и дежурила около киноцентра. Ты хоть дал ей автограф? —

Дэвид слегка сконфужено:

– Мне это не пришло в голову при данных обстоятельствах. Да она и не просила меня. Она лежала на земле, ее почти затоптали, ты же все видел! —

Лицо Сэма приняло серьезное выражение:

– Да, видел. Еще видел, как ты ее целовал на этой кровати. Кстати, те ребята тоже видели, а они, наверное, из КГБ. Не удивлюсь если тут есть «жучки» и скрытые камеры. Она, наверняка, несовершеннолетняя. Хотя, восемнадцать может уже и исполнилось. Здесь восемнадцать лет – дата совершеннолетия. Хватит ходить, как маятник! – бросил он своему патрону – Успокойся, выпей чего-нибудь! —

Дэвид остановился и слегка покачал головой:

– Это был единственный и очень целомудренный поцелуй. Мы даже не касались друг друга. Она сказала со слезами на глазах, что любит меня. Я не мог ей не ответить. Эти глаза, эти волосы, она одна такая во всем мире. Ни одна голливудская красотка не сравнится с ней в ее живой, естественной красоте! —

Сэм с некоторым удивлением смотрел на слегка покрасневшего от волнения Дэвида, давно он не видел своего босса и друга в таком душевном порыве. Сэм хорошо знал его, за годы работы с ним он научился безошибочно определять, когда Дэвид играет, а когда нет. Сейчас его патрон и друг был совершенно искренен.

– Ну и что теперь делать? Может женишься на ней, на этой русской девчонке, которая по-английски только и знает: – «love you».

Дэвид сел в кресло рядом с Сэмом, обхватив голову руками:

– Не рви мою душу. Я только хочу знать, что с ней все в порядке. Как ты думаешь, эти ребята из КГБ не причинят ей зла? Давай отвезем ее домой к ее родителям, это успокоит меня. —

Сэм резко встал с мягкого антикварного кресла:

– Ты нарушаешь все правила. Это страна со своими обычаями и нормами поведения. Лучше не лезть в эти дела. Девочка жива, переломов нет, ее наверняка уже отвезли домой, а у нас завтра большая культурная программа прямо с утра, нужно хоть немного отдохнуть, уже поздно. – и пожелав спокойной ночи, ушел в свой номер, располагавшийся рядом.

Глава 11 Преступление без наказания, или О чем узнал только дневник

Оперативник Аркадий Поспелов, оглядываясь по сторонам, отперал ключом дверь комнаты отдыха для персонала гостиницы. Он знал, что имеется только две пары ключей, одна на посту дежурной по этажу, другая у него, как лица ответственного за безопасность. Александр, стоя рядом, поддерживал Свету под руку.

Отперев дверь, Аркадий жестом пригласил войти Свету в сопровождении Александра. Это был однокомнатный номер с большой кроватью.

– Здесь ты можешь отдохнуть, а потом мы отвезем тебя домой. Где ты живешь? – поинтересовался Аркадий.

Света назвала свой адрес и телефон, Аркадий быстро записал за ней. Девушка заволновалась:

– Мама на работе, на сутках, придет завтра утром. Не звоните ей, а то она будет волноваться. —

Аркадий, стараясь ее успокоить, заверил:

– Не волнуйся, я сейчас принесу тебе немного поесть и чаю, а дверь пока закрою. Не бойся, тебя здесь никто не побеспокоит. Я – лейтенант органов безопасности Аркадий Поспелов, а это мой сослуживец – младший лейтенант Александр Быстров. Сиди здесь тихо. —

Оперативники вышли и закрыли дверь на ключ. Аркадий, слегка подтолкнув в бок Александра, тихо усмехнулся:

– Ну, что, хороша? Нельзя упустить такую красоту, настоящая принцесса из сказки! Мы хоть с тобой и не кинозвезды, но тоже парни хоть куда. Договорились, я – первый, ты – второй. А сейчас нужно покормить нашу птичку и напоить коктейлем по рецепту местной красотки, которая доверила его мне. Пташка будет тиха и спокойна, а затем отвезем ее по адресу места жительства, учись студент! —

Александр молча согласился, а Аркадий направился к служебному лифту в конце коридора и скоро вернулся с подносом еды для Светы. Отперев дверь, оперативники вошли в комнату отдыха. Света сидела на краю кровати в нервном возбуждении порываясь уйти, но ее тело, сплошь в синяках и ссадинах ужасно болело, а платье было разорвано и испачкано от падения на асфальт под ноги толпы.

Аркадий подвел Свету к большому зеркалу на стене:

– Глянь на себя! И куда ты пойдешь в таком виде в поздний час? Поешь, поспи, а утром мы отвезем тебя домой еще до прихода твоей мамы. Кстати, во сколько она приходит с работы? —

– В 10 часов утра. – тихо отозвалась Света.

– А у нас смена заканчивается в 8 утра, так что успеем тебя отвезти до прихода мамы. На, поешь и выпей, это доктор прописал, – Аркадий протянул девушке коктейль на апельсиновом соке. Она послушно выпила его, затем немного поела из принесенного Аркадием. Коктейль девушку успокоил, глаза у нее стали закрываться. Она устала и незаметно для себя начала засыпать, сидя на краю кровати. Александр вышел из комнаты, оставив ее одну с Аркадием. Он слышал, как Аркадий, повернув ключом, запер дверь номера, а ему ничего не оставалось делать, как сидя неподалеку в кресле ждать.

Через некоторое время из комнаты отдыха вышел Поспелов. Было заметно, что он смущен и отдавая Александру ключ, Аркадий сказал:

– Заходи, она тиха и послушна. —

Взяв ключ, Александр зашел в комнату и запер дверь. Его взору открылась картина, напоминавшая полотна старинных мастеров. На кровати спала обнаженная Света, ее длинные золотистые волосы слегка прикрывали прекрасное, юное тело. Она была похожа на спящую Красавицу из сказки. Александр залюбовался ею, не в силах оторвать от нее глаз. Она так близко и она в его власти.

Аркадий, угнездившись в мягком кресле гостиничного холла, успел погрузиться на дно теплого, уютного сна, как вдруг почувствовал, что кто-то с силой трясет его за плечо. Сон на дежурстве дело нехорошее и даже неприличное, но он не на боевом посту по охране секретного объекта, так что можно себе позволить и соснуть чуток в тиши и полумраке гостиничного коридора.

Аркадий, слегка потянувшись, как ленивый кот, нехотя открыл глаза:

– Ну, конечно, Сашка, будь он неладен! – мелькнуло в голове, когда он увидел перед собой лицо Александра.

– Ты чего? Только сон интересный начался... – с неудовольствием начал было Поспелов... и вдруг получил от Александра увесистый удар в плечо:

– Ты говорил, что она проститутка. Я, как дурак поверил, а она оказалась девственницей, целкой, понимаешь? —

Аркадий быстро сменил появившееся на миг растерянное выражение лица и оно стало по-прежнему уверенно-нахальным, т.е. его обычным лицом:

– Ну и что? Нечего по гостиницам ходить и кинозвезд ловить. Ну, кто ж думал, что она такая... ничего страшного не произошло. Нужно срочно увезти ее отсюда. Сейчас вынесем эту фанатку через служебный выход, бумаги я оформлю, как на пьяную. Пойду машину подгоню. —

Он нехотя встал и ступая по мягкому ковру, направился к служебной лестнице в конце коридора. Александр, схватившись руками за голову, опустил в кресло, в котором только что спал Аркадий, оно еще хранило тепло его мясистого, не по годам расплывчатого тела. Поборов в себе брезгливость к этому, оставленному Аркашкой влажному теплу, Александр с трудом приходил в себя:

– Вот так незаметно, потихонечку и становишься подлецом. Сегодня он сделал даже не подлость, а преступление. Да, самое настоящее преступление! Теперь оно будет с ним до конца его дней и эта девушка всегда будет перед его глазами. Всегда! —

Тут открылся лифт и из него вышел Аркадий. Осмотревшись по сторонам, сделал Александру знак, чтобы тот следовал за ним. Они прошли мимо одиноко дремлющей дежурной по этажу. Ночной гостиничный коридор был пуст, постояльцы мирно спали в своих номерах. На часах 4.15 утра совсем скоро рассвет, небо уже светлеет.

Аркадий осторожно открыл ключом дверь служебной комнаты отдыха. Света по-прежнему тихо спала на большой гостиничной кровати, лицо ее было на удивление спокойным. Казалось, ей снится сон, в котором она счастлива, легкая улыбка скользила по ее лицу.

– Смотри, улыбается. Ты сделал ее счастливой... – начал было ерничать Аркадий, пытаясь придать делу шуточный окрас, но увидев выражение лица Александра, быстро осекся:

– Давай быстрее оденем ее и выведем под руки. Я уже на всякий случай оформил протокол, что она напилась здесь после скорой. По-любому, ее надо быстрее отсюда увести. —

Через несколько минут лейтенант Поспелов и мл. лейтенант Быстров вдвоем вывели из комнаты отдыха гостиницы «Интурист» шатающуюся и явно не в состоянии самостоятельно идти девушку. Поддерживая ее с двух сторон, они дошли до служебного лифта, затем спустились на технический этаж, где был вход-выход на задний двор гостиницы. Здесь стояла машина Поспелова, вишневые «Жигули» – подарок отца, которым Аркашка страшно гордился.

Аркадий осторожно открыл дверцы машины и они вдвоем с Александром усадили Свету на заднее сидение.

– Как бы не набледала мне в салон, кто ее знает... – Аркадий с брезгливой опаской посмотрел на девушку. – Платье рваное, грязное... однако надо быстрее, пока народ на работу не пошел. Нам свидетели не нужны, – озираясь по сторонам, добавил он. Александр сел впереди рядом с Аркадием. Поспелов завел мотор и машина, нырнув под арку проходного двора, выехала на улицу Горького, откуда до Красной Пресни рукой подать.

Увидев в зеркале автомобиля мертвенно бледное лицо напарника, Аркадий произнес:

– Ну, что сидишь, как громом пораженный? Тебе повезло, что такая красавица тебе первому досталась. А у меня, брат осечка вышла. Видимо, после бурного общения с местными девочками. Ну, что смотришь? Нам, как представителям власти, полагаются кое-какие привилегии в этом вертепе. Можно натурой, можно валютой. Ты знаешь сколько они здесь гребут денег? И все в валюте. Здесь все продано и куплено. А ты хочешь чистеньким быть и одновременно свое не упустить. Так не бывает. Учись, студент! Так, стоп! Дальше нельзя. Сейчас я выйду, осмотрюсь. —

Аркадий вышел из машины, озираясь по сторонам, сверил адрес на бумажке с номером дома. Да, это ее дом. Затем подошел к машине и скомандовал Александру:

– Сейчас вынесем ее и посадим здесь на лавочку, за гаражами. Оклемается, сама дойдет, ее дом близко. Не замерзнет, лето. Давай быстрее! – поторопил он Александра.

Солнце уже освещало все вокруг, но утренний холод давал о себе знать.

Они вдвоем вынесли Свету из машины и усадили на лавочку, прислонив ее обмякшее тело к одному из деревьев, растущих среди гаражей, а сами быстро ушли, оставив девушку одну в пустынном дворе. Она уже начала приходить в себя, ощущая утренний холод. Сколько она так просидела неизвестно. Ее обнаружил Алексей, идущий домой по тропинке между гаражами.

Он увидел Свету, еле дышащую и дрожащую от утреннего холода, в разорванном платье, всю в синяках, со спутанными растрепанными волосами.

Алексей, не раздумывая взял ее на руки и направился к своему дому. Поднявшись на лифте, он внес девушку в квартиру. Отец был в командировке и дома никого не было.

Алексей осторожно положил Свету на свою кровать и накрыл ее пледом. Затем достал из аптечки бинты, антисептики. Он знал, что надо делать, их учили в училище оказывать первую медпомощь. Алексей поднес к носу Светы нашатырь, она пришла в себя и узнала Алексея.

– Ты только ни о чем не волнуйся, отец в командировке. Хочешь чаю или что-нибудь еще? – спросил он.

Света слабо ответила:

– Нет, спасибо. Я сейчас пойду домой. – Она с трудом сделала усилие, чтобы встать с кровати.

Алексей удержал ее:

– Ты пока отлежись, согрейся. —

Он пошел на кухню, принес горячий чай. Света стала понемногу его отпивать, но боль сковала ее, болело все тело. Алексей заволновался:

– Я вызову врача. —

Света, отрицательно замотала головой:

– Нет, не надо. Со мной все в порядке, переломов нет. —

Гневная волна захватила Алексея:

– Кто с тобой это сделал? Я убью его! —

Света, отвернувшись прячет глаза и тихо, почти шепотом:

– Никто, я упала. —

Алексей, поборов закипевшую в нем злобу:

– Ты только не волнуйся! Я рядом. Сегодня у меня выходной и я целый день буду с тобой. Я позвоню Майе, чтобы она принесла тебе вещи переодеться. Леша идет к телефону в прихожей, набирает номер Майи. Еще непроснувшаяся, она взяла трубку и слышит голос Леша:

– Майя, это Алексей, извини за ранний звонок и что разбудил. Будь добра, сходи в квартиру Светы и принеси ей одежду переодеться. Она у меня, я сейчас вынесу тебе ключи от квартиры. —

Алексей ушел, а Света лежала, уткнувшись в подушку и с одной мыслью: «Хорошо, что мама еще не вернулась с суток. Сейчас Майя принесет одежду, надо переодеться и привести себя в порядок, чтобы мама ни о чем не догадалась. Она после суток уставшая, может не заметит и уснет.»

Мысли Светы прервал вернувшийся Алексей. Он постучал в дверь комнаты и когда Света разрешила войти, осторожно открыл дверь:

– Сейчас Майя придет с твоими вещами. На подкрепись. – Он протянул девушке минеральную воду и плитку шоколада.

– Тебе нужно больше пить, минералка самое то. И шоколад тоже. Нам в училище говорили. – Он попытался даже улыбнуться, глядя на Свету.

Раздался звонок в дверь квартиры. Алексей открыл и увидел на пороге Майю Воронову с пакетом в руках. Она прошла в квартиру, Алексей ей тихо шепнул:

– Ни о чем не расспрашивай. Света упала, но все нормально, переломов нет. —

Майя, постучав вошла в комнату, где на кровати лежала ее подруга-сестренка Света Куприянова. Тряхнув рыжими колечками непокорных волос, Майка изо всех сил старалась сохранить внешнее спокойствие и бодрость духа:

– Я принесла твои вещи. Тебе помочь? —

Света, с трудом садясь на кровати:

– Спасибо, не надо, я сама. —

Майя все же успела заметить синяки на теле подруги, бюстгальтер, надетый наизнанку... Своим, не по годам развитым женским чутьем, она догадалась, что произошло с ее лучшей подругой, но лишь молча положила рядом со Светой пакет с принесенной одеждой и закрыв за собой дверь, оставила Свету одну.

Немного спустя Света вышла из комнаты, уже одетая в джинсы и свитер с длинными рукавами. Кровать, на которой она лежала, была аккуратно застелена.

– Сколько времени? – спросила Света.

– Девять утра. – отозвалась Майка.

– Скоро мама придет. – заволновалась подруга.

Майка подошла к ней погладить и слегка приобнять, чтобы успокоить.

– Не волнуйся, твоя мама уехала в командировку. Вот записка. – И она протянула Свете свернутый листок бумаги.

В записке, оставленной мамой перед отъездом в срочную командировку, было написано, что ее не будет две-три недели. Впервые Света обрадовалась отъезду матери, к ее возвращению все синяки и ссадины пройдут и мама так ничего и не узнает о произошедшем с ее дочерью несчастье. Не хочется, чтобы она переживала и волновалась из-за нее.

Из окна своей квартиры Алексей видел, как Майя, поддерживая под руку Свету, осторожно ведет ее через двор. Он, конечно, все понял и в тихой ярости лишь сжал кулаки.

Отперев дверь квартиры Куприяновых, Майя помогает Свете зайти в квартиру. Она хозяйски проходит на кухню, ставит на плиту чайник, достает из холодильника сыр и масло, делает бутерброды для подруги. Не удержавшись, спрашивает:

– Где ты была? Что произошло? Твоя мама перед отъездом ужасно волновалась, а я не знала, что ей сказать, наплела что-то про дежурство в дружинке по охране порядка на МФК. —

– Спасибо, Майя! Ничего не спрашивай сейчас, все потом. —

Майка, желая хоть чем-то порадовать подругу:

– Я сейчас принесу тебе твоей любимой колбаски, что еще хочешь? Икорки? —

Света в ответ лишь покачала головой:

– Спасибо, ничего не нужно. —

Майка, загадочно улыбаясь, достает из кармана кофточка фотографию с автографом Дэвида Хейворда и отдает ее Свете в прямо в руки:

– Вот, это тебе... —

– У тебя же всего одна... —

– Ничего, тебе нужнее. —

Света, слабо улыбаясь:

– Хорошая ты, Майка! – И из ее глаз хлынули непрошенные слезы. Фотографию она держит в своей руке. Майка, растроганная и обрадованная, что смогла сделать приятное своей подруге, обнимает и целует ее:

– Ну, не плачь! Мы же с тобой сестрички, ведь правда? —

– Конечно, у меня, как и у тебя, никого нет. Хотя нет, есть еще Леша. – Света улыбается ей сквозь слезы.

Майка, глядя в лицо подруги:

– А знаешь, когда я тебя заужала? —

– Когда? —

– Еще давно, в детстве. Ты не просила жвачку. Все во дворе выпрашивали у меня жвачку, а ты нет, никогда. И мать твоя такая же гордая. —

Света покачала головой:

– Мама не гордая, она скромная. —

Майка, обрадованная тем, что ей как-то удалось разговорить подругу:

– Ну, что грустишь? Все пройдет, а у тебя теперь есть автограф. Кстати, мне в редакции Кобра так и зажала его фотку с автографом. Из вредности, чтобы лишний раз подковырнуть, дескать штатникам не хватило. А ведь он много дал их для всех сотрудников! Ничего, все пройдет и будет как прежде! – пытается развеселить подругу Майя.

Света отвернулась, фотография в ее руке, но она не смотрит на нее:

– Как прежде не будет никогда. Я – другая, все – другое. Майя, пожалуйста иди к себе, я хочу побыть одна. И, спасибо тебе! —

Майя тихо уходит, оставив Свету одну.

Света достает свой дневник, вкладывает в него фотографию с автографом Дэвида, затем снимает со стены свои детские рисунки, плакаты, вырезки из журналов, садится за стол и делает последнюю запись в своем дневнике:

– Вот и все. Счастливого, безмятежного детства закончилось. Я не буду больше писать тебе. Я сразу резко повзрослела, даже постарела. Я никогда не буду прежней, поэтому закрываю свой дневник, но ты останешься в моей памяти, как самое лучшее, светлое, доброе. Благодаря тебе, я многое поняла. Я читала книги, которые ты читал, я слушала музыку, которую слушал ты. В интервью, которые ты давал, я научилась распознавать твои невысказанные чувства и мысли. Но сегодня я покидаю тот мир, я словно очнулась от долгого сна, увидела реальную жизнь, реальных людей вокруг себя и зло, которое, к сожалению, тоже реально. Главное, не потерять веру в себя, в добро, в людей, уметь находить хорошее в каждом человеке. —

И поставив точку, Света закрыла дневник, сложила свои детские рисунки. Все это она завернула в плотную бумагу, перевязала тесемкой и убрала в далекое потаенное место своей комнаты.

Глава 12 Счастье есть!

Прошло несколько дней. Синяки и ссадины постепенно зажили. На работу Света ходила в блузке с длинными рукавами, никто ничего не заметил, так что к приезду мамы и следов не осталось.

В один из дней в квартире Куприяновых раздался телефонный звонок. Сняв трубку, Света услышала голос Алексея:

– Света, привет! Как ты себя чувствуешь? – и услышав в ответ, что все нормально, Алексей продолжил:

– Я должен завтра уехать в командировку ненадолго, папа тоже пока в отъезде. Могу я тебя попросить, пока нас нет, приходите поливать цветы и кормить кота? И, услышав положительный ответ, обрадовался:

– Спасибо тебе! Ты бы не могла зайти ко мне? Я покажу, где что лежит и передам ключи. —

Она пришла, как и условились, вечером. Леша показал ей свою квартиру, сказал чем кормить кота Тимофея, который принялся тереться о Светины ноги. Алексей провел Свету по комнатам их большой генеральской квартиры, где он живет с отцом уже много лет. Большие окна, высокие потолки, массивная старинная мебель. На стенах много фотографий в рамках и часы с боем, отмеряющие ход времени не первое столетие.

Света внимательно осматривает это холостяцкое жилище, где видны отпечатки профессии хозяев. Все в полном порядке, все вещи на своих местах, нет ничего лишнего. В квартире чисто и прибрано руками Алексея. Даже когда он был еще маленьким и у них была приходящая домработница, Леша всегда помогал ей. Ему было как-то неловко, когда уже немолодая и довольно грузная женщина, краснея и потея от напряжения сил, пылесосила в их квартире.

Леша на правах хозяина поставил на плиту чайник, чтобы напоить девушку чаем, а она, немного осмотревшись, сказала:

– Знаешь, мы с тобой всю жизнь рядом, а я никогда не была у тебя дома. Маленькая, я побаивалась твоего отца, он такой величественный в форме, его возили в большой черной машине, а у нас в доме никогда не было мужчин. —

Они сели рядом на большом диване. Алексей встал, достал из шкафа старинный семейный альбом и они вместе начали рассматривать фотографии.

– У нас в роду все мужчины были военными, служили в царской, а потом в Красной армии. Мой дед брал Берлин. —

Леша показал фотографию дедушки-генерала у поверженного Рейхстага.

– Он погиб там же, в самом конце войны. Похоронен в Германии. —

Света внимательно рассматривает фотографии. Леша, пожалуй, впервые так близко к ней, что она даже чувствует исходящее от него тепло, он слегка волнуется, немного покраснел или ей это кажется...

А Алексей продолжает показывать фотографии своих предков:

– Это моя прабабушка. Она была сестрой милосердия на фронтах Первой мировой войны. Она тоже, как и ты, работала в госпитале. —

Света совсем рядом склонилась над альбомом и он краем глаза видит, как бьется маленькая голубая жилка на ее виске под тонкой белой кожей. Он не может отвести взгляда от ее нежного профиля, от пепельно-золотистых волос, которые ему так хочется погладить, стоит всего лишь руку протянуть...

– Как ты себя чувствуешь, Светик? – Он впервые так назвал ее.

Она поднимает из-под длинных ресниц свои серо-голубые, как вешние воды глаза, и попадает в его золотисто-карие. У нее слегка кружится голова от этого неожиданного погру-

жения. Она впервые так близко к Леше, она и не знала, что у него такие теплые, полные янтарного света глаза. Она привыкла относиться к нему как к другу детства, почти как к брату. Сегодня она увидела в нем нечто другое, в его взгляде столько любви и сдержанной нежности. Нежданное, неведанное чувство заполонило ее. Что это? Только ли благодарность за его помощь, за его сильное мужское плечо, которое без лишних слов и вопросов он подставил ей...

Алексей смотрит, не отрываясь, в самую глубину ее светлых глаз. Она протягивает к нему руку, гладит его по лицу и робко целует. Он обнимает и целует ее в губы. А она кладет ему свою голову на плечо и закрывает глаза. Он рядом с ней и не верит своему счастью.

– Я люблю тебя давно, кажется всю жизнь. Сама мысль о том, что тебя кто-то может обидеть, приводит меня в ярость. Я хочу защищать тебя. Позволь мне защищать тебя? —

Света, счастливо улыбаясь:

– Я позволяю тебе, Леша, защищать и любить меня. Я очень этого хочу! —

Любовь, подобно океану, накрыла обоих с головой, накатили неожиданные волны этого волшебного и присущего только людям чувства. Любовь и молодость, что может быть прекраснее...

Августовский вечер. В комнате почти темно, но она видит его глаза, полные янтарного света. Они теплом своих тел согревают друг друга. Этой ночью они не расстанутся. Завтра он уезжает, а она будет ждать его. Сегодня они стали взрослыми, как если бы взявшись за руки, прыгнули вдвоем со скалы в море или океан. Океан любви, нежности и новых, неведанных доселе чувств.

– Как жаль, что ты завтра, вернее, уже сегодня уезжаешь! Я буду ждать, считать дни. —

– И я буду считать дни, моя любимая, и даже часы, чтобы поскорее увидеть тебя. А потом мы поженимся, если ты не против? —

Света смущенно:

– Нет, не против. —

Леша целует ее руку:

– Мы будем жить долго-долго, дружно и счастливо. У нас будут дети: мальчик и девочка. —

Света, счастливо улыбаясь:

– побыстрее бы пролетели эти пятнадцать дней! —

– Я так счастлив! Ты сделала меня самым счастливым человеком на Земле! Теперь мне ничего не страшно! — слышит она в ответ.

Глава 13 Родные люди

Вернулась из командировки Ирина, мать Светы. Лицо обветренное, загорелое и какое-то чужое, незнакомое. Дочь сразу заметила перемены, произошедшие с матерью, ее погруженность в себя, молчаливость и даже отстраненность.

Света ходит по дому тихо, стараясь не беспокоить мать. Ей случайно попала в руки ее фотография в военной форме с боевой наградой на груди. Снимок выпал из дорожной сумки, с которой Ирина ездила в командировку. Дочь, осторожно взяв в руки фото, положила его обратно в сумку. Медики – военнообязанные, а они с мамой еще и работают в военном госпитале. Ясно одно, эта командировка была необычной, хранящей какую-то тайну, но дочь не спросит какую...

Сегодня тот редкий случай, когда они дома вдвоем. Матери положен небольшой отпуск после командировки, а у Светы выходной после суточного дежурства. За утренним чаем она спросила, глядя на задумчивую мать:

– Mamочка, как ты? —

Мать подняла на дочь глаза и тихо сказала:

– Прости, дочка, что много молчу. У меня небольшой отпуск. Давай поедem к бабушке в деревню? —

– Как здорово! Я возьму с собой учебники и буду заниматься! —

– Ты, по-прежнему, на журфак? – Поинтересовалась мать.

– Нет, мама. Я хочу быть медиком. Хочу стать врачом, как ты.

Ирина, внимательно взглядываясь в дочь:

– Ты хорошо все взвесила? Медицина – это боль, страдания, к этому трудно привыкнуть. —

Света, утвердительно кивнула:

– Mamочка, я почти год в госпитале проработала и работу бросать не собираюсь. Пойду на вечернее. —

– В таком случае, собирай вещи, учебники. Я попрошу оформить отпуск нам двоим. —

Света обрадовано обняла и поцеловала мать:

– Mamочка, как нам будет хорошо вместе на речку ходить, в огороде копать. Как я люблю деревенскую жизнь! —

Мать, наконец, улыбнулась:

– Решено, едем! —

И вот они в деревне у своей любимой бабушки Тони, которая еще до войны жила здесь и училась в старой деревенской школе, ее деревянное здание в окружении рябин стоит до сих пор. В этой школе училась ее мама Ирина. Света и сама проводила в Холщевиках свои школьные каникулы. Многие жители деревни для них как родня и искренне радуются, когда они с мамой приезжают из Москвы погостить. К ним обращаются с какими-то просьбами и не только медицинского характера, но и чисто бытовыми; что-то купить, привезти или просто посоветоваться. А если что, то и сами всегда придут на помощь. Люди в поселке добрые, отзывчивые, да и Куприяновы таковы; что бабушка, что мама с дочкой. Это их истоки, их малая Родина. В старом отчем доме многое хранит память детства Ирины и ее матери Антонины: вышитые их детскими руками подушечки, куколочки, вязанные салфетки. Все это теперь бережно сохраняется бабушкой, как когда-то хранилось тетей Марией, заменившей Антонине мать.

Родилась Антонина в Москве, в 1923 году. Ее мать Лидия рано овдовела, отец Павел после тяжелого ранения, полученного на Гражданской войне, прожил недолго и умер в возрасте двадцати шести лет. Его дочке Антонине было года три, когда мать вышла замуж во вто-

рой раз за друга своего умершего мужа, с которым он воевал в РККА на Гражданской войне. Григорий был старше Павла на семь лет, он был его командиром, наставником и надежным товарищем. Держась рядом, они становились вдвое сильнее; простой деревенский парень с рязанщины Павел и опытный командир Григорий, родом из Москвы.

Лидия была в их отряде не только сестрой милосердия, но и действующей боевой единицей, выражаясь в духе того времени. Она была способна в нужный момент подменить собой бойца, сев за пулемет «Максим», могла палить по белым из винтовки или нагана. После окончания курсов сестер милосердия молоденькая Лида попала на фронт, где повстречала деревенского парня, своего ровесника Павла и выпускника московского университета Григория. Всю Гражданскую они прошли бок о бок. В девушку были влюблены оба друга: простоватый Павел и умный, образованный Григорий.

А Лида? Она сама себе боялась признаться в любви к Григорию, считала себя, полуграмотную, ему неровней. Когда Павла тяжело ранило в бою, откуда его на себе вытащил Григорий, Лида день и ночь не отходила от раненого и он вернулся с того света только благодаря Лиде и огромному к ней чувству. Вот тогда она поняла, что судьба ее решена и сказала свое «Да» Павлу, чем окончательно и бесповоротно вернула его в жизнь, заставив захотеть жить в мире, где есть она.

Григорий стоически молчал и ни разу не позволил себе намекнуть о своих чувствах ни самой девушке, ни другу. Он, взращенный на лучших мировых образцах литературы, был способен на такое благородное молчание, на такую жертвенность. Павлу, да и самой Лиде, было невдомек, что творилось в душе их друга и командира. Григорий сам скрепил их семейный союз фронтовой печатью и сидел за свадебным столом с его нехитрым угощением. И был тогда между ним и Лидой всего лишь только один взгляд, который они подарили друг другу, но оба навсегда запомнили этот взгляд, который был гораздо красноречивее слов.

Войны имеют счастье заканчиваться. В 1922 году закончилась братоубийственная Гражданская война. Павел с Лидой к тому времени уже обосновались в Москве, куда им помог перебраться все тот же Григорий. Из письма соседей Павел узнал, что дом его родителей в деревне Лозинка Скопинского уезда сгорел дотла и возвращаться с беременной женой ему было некуда. Так волею судеб и с помощью друга Григория они и оказались в Москве.

У родителей Григория до революции был небольшой особняк в центре Москвы, в районе Новинского бульвара, где с ними соседствовали знаменитые адвокаты, музыканты, а также выходцы из высших кругов света – элита московского общества. Чудом уцелевший дом, был до отказа заселен жильцами и к возвращению с Гражданской Григория, а с ним и семьи его фронтового товарища, жилотдел выделил им две крохотные комнатки в полуподвале. Одну побольше Григорий уступил семье Павла, а вторую, бывшую кладовку с крохотным оконцем занял сам.

Времена были суровые, холодные и голодные. Грамотные люди были наперечет, квалифицированных кадров не хватало. Григорий, несмотря на дворянское происхождение и благодаря своему незапятнанному участию на стороне Красных в Гражданскую войну, был принят на работу в Генеральный штаб РККА. Он занял там ответственный пост с положенным ему по занимаемой должности продовольственным пайком. Этим пайком он и делился с семьей фронтового друга, состоящей из трех человек: постоянно болеющего Павла, Лидии и малышки Тони. Лида работала в московской больнице сестрой милосердия, но ее заработка хватало лишь на дрова и молоко для дочурки.

После безвременной смерти мужа Лидия быстро вышла замуж за Григория, которого давно любила. От их семейного союза родилось двое детей: сын Святослав 1927г.р. и дочь Вера 1935г. р. К моменту рождения дочери жили они уже в новом доме, построенном для высшего военного руководства страны. В квартире из трех просторных комнат были все удобства, включая ванну с газовой колонкой, что в те времена было только для избранных. Простые

люди ходили в бани, в которые еще надо было и очередь отстоять, да с бельем в корзинах или узлах, с тазами, шайками или кувшинами для помывки. А еще и с детьми и стариками... Поход в баню сопровождался большим напряжением сил и затрат энергии, но все быстро забывалось после волшебного-очищающего воздействия воды, пара и мочалок из ароматного липового лыка, которыми натирали друг другу спины до багрово-красного цвета. Выход людей из бань был неторопливо-расслабленным, как до революции, так и после. Тело нуждается в чистоте при любом режиме власти. Баня тоже стратегический объект, важная часть жизни человека, как на фронте, так и в мирной жизни.

Тоня к тому времени была уже двенадцатилетним крепким подростком, когда неожиданно заболела сестра Лидии – Мария, работавшая в подмосковном колхозе, где ей частенько приходилось поднимать тяжести. Привязался к ней ревматизм и другие недуги. Так одинокая Мария оказалась совсем беспомощной в своем деревенском доме с его удобствами на дворе и водой в колодце, а еще и корову доить надо было, да и куры тоже имелись в ее небольшом хозяйстве.

Лиде тогда пришлось решиться на непростой поступок. Она отослала к сестре в помощь свою старшую дочь Тоню, искренне любившую и жалевшую тетю Машу, у которой проводила все свои летние каникулы.

Судьба, как известно, сама плетет свои кружева и она изо всей семьи Лидии и Григория в живых оставила только Антонину. Отчим Григорий погиб на фронте в первый же год Великой Отечественной Войны, а мать с двумя детьми попала под бомбежку поезда, в котором ехала к сестре и старшей дочери летом 1941 года. Так, волею все той же судьбы, Антонина из Москвы переехала в Подмосковье и осталась жить вдвоем с теткой, заменившей ей мать.

После таких тяжелейших потерь Тоня, которой едва исполнилось восемнадцать лет, поступила на ускоренные курсы медсестер, по окончании которых ушла на фронт служить санинструктором. Затем поступила медсестрой в военный госпиталь, где и познакомилась с молодым врачом Захаровым Владимиром Александровичем или просто Володей, как его тогда звали коллеги. Владимир был призван с 5 курса московского мединститута на фронт и работал под руководством старого опытного хирурга, прошедшего Первую мировую войну. Быстро набравшись опыта у военного хирурга, Владимир Захаров взял себе в помощь молоденькую санинструкторшу Тоню Чернецову и со временем сделал из нее настоящую операционную медсестру, незаменимую на его операциях. Когда закончилась война и Захаров поступил в военный госпиталь им. Бурденко, позвал он с собой и Тоню, но та после фронта решила вернуться к тете Марии в свою подмосковную деревню Холщевики, где устроилась медсестрой в колхозный медпункт.

Веской причиной вернуться в деревню к тетке было то, что к тому времени у Антонины была уже маленькая дочь Ирина, которую она оставила на попечение Марии сразу после ее рождения в самый разгар войны в 1943 году. Но об этом подробно будет рассказано несколько позднее.

Глава 14 Бабушка и родная деревня

Бабушка встречала их на крыльце старого дома, с высокими кустами золотых шаров, слегка поникшими после недавнего дождя. На бабушке было платье с фартуком из сатина и косынка, скрывающая седину волос. Все это делало из Антонины Павловны деревенскую старушку. На взгляд ей можно было дать лет шестьдесят и даже больше, хотя ей еще только недавно исполнилось пятьдесят шесть лет, по нынешним меркам далеко нестарая женщина, а тогда, в конце 70-х, уже довольно пожилой человек.

Был у их бабушки один секрет, которым она после смерти Рэма Михайловича перестала пользоваться. Секрет состоял в том, что бабушка умела преображаться, да так, что в одночасье молодела лет этак на десять... Стоило ей покрасить свои седые волосы в золотисто-блондинистые тона и соорудить «фирменную» прическу, – пучок-ракушку из своих пышных от природы волос, нанести немного пудры на лицо и совсем чуть-чуть розовой помады на щеки и губы. Затем она доставала из шкафа одно из модных платьев, сшитых своими руками и облачась в него, становилась действительно лет на десять моложе. Вкус у нее был от природы, шила она ловко и быстро.

Но главным козырем у бабушки были все же ноги. Когда был жив ее Рэм Михайлович, она любила выйти «в свет», прогуляться с ним под руку по деревенским улочкам в туфлях на каблучках. Рэм, знавший Антонину еще со школьных времен, смотрел на нее влюбленными глазами и видел в ней все ту же Тоню, какой она была в их общей юности. Овдовев и немного погоревав о жене, Рэм пришел к порогу своей первой любви Антонины. В свое время война и фронт развели их по разные линии жизни, но судьба, сделав петлю во времени, соединила их, уже пятидесятилетних и дала пять лет прожить в любви, уважении и согласии до самой смерти Рэма Михайловича.

Отставник, капитан 1-го ранга Старшинов Рэм Михайлович, по горячим просьбам односельчан и их единогласному голосованию на деревенском сходе, возглавил колхоз «Светлый путь», таким образом стал председателем уже разменяв шестой десяток. Проработал он на этом посту более пяти лет и добился немалых успехов, но то ли возросшая не по годам нагрузка, то ли сердце уже немолодого бывшего подводника подвело, а может все и сразу, но умер он в одночасье на своем рабочем месте, когда Антонина была на приеме в медпункте. Смерть была мгновенной, оторвался тромб, он даже не успел позвать на помощь секретаршу за тонкой перегородкой, отделявшей его кабинет.

Вот с тех пор Антонина и перестала прихорашиваться, быстро превращаясь в старушку. Единственное, что спасало и согревало ее душу, так это уважение и любовь односельчан и, конечно, дорогих ее дочери и внучки. Но у них своя жизнь в Москве и хоть езды до Холщевиков всего час на электричке, да и ходу от станции километра два, не больше, но часто не наездишься. Дочь много работает, да и внучка тоже. А сегодня у Антонины радость и она вышла встречать своих дорогих людей. Вот они идут к ней по бетонке, к их дому почти на краю деревни. Антонина Павловна с порога дома махнула им рукой.

– Идут ее девчонки и сумки как всегда несут. Уж сколько раз говорила, не везите много, но все бесполезно. Да и как в деревню приехать с пустыми руками? Сейчас набегут к ним деревенские, у всех старики, дети, будет обмен гостинцами, затем накроют стол, а в печи уже готов запеченный гусь и на столе гора пирогов, испеченных их матерью и бабушкой. Конечно, придут соседи, подруги Ирины с детских лет, а вот ее ровесники стали потихоньку уходить и на деревенском кладбище за оградами, покрашенными голубой краской, все больше свежих могил. – С такими мыслями встречала своих дорогих гостей, стоя на крыльце родимого дома, бабушка Антонина.

Она вздохнула, вспомнив Рэма: – Сейчас бы он довез их на своей машине и не тащили бы они сумки от станции. Хорошо, что им знакомы обходные пути, идут через лес, а это путь короткий. —

После смерти мужа Рэма приезжал из Москвы его сын и забрал их новые «Жигули». Антонина не стала оспаривать наследство, хоть и ее копеечка была на них потрачена, полторы тысячи полновесных советских рублей и это при ее зарплате медсестры в семьдесят рублей. Но грех жаловаться, сейчас, помимо зарплаты, она получает и пенсию, да еще имеется небольшое приусадебное хозяйство: куры, гуси. Была коза, но не любят люди козье молоко, хотя оно и полезное. Свои приезжают нечасто, а сама Антонина его тоже не очень уважает еще с детства. Тетя Маша иногда приказывала ей его пить, она пила сквозь силу, но с тех пор в рот не брала. Врачи рекомендовали Рэму, как ветерану-подводнику, для него и козу держала. Потом пришлось с ней расстаться. Сразу после смерти Рэма Антонина продала свою Пушинку соседям и теперь она каждый раз блеет, когда видит бывшую хозяйку. Узнает поди ее...

Калитка скрипнула и дочь с внучкой идут к ней навстречу, задевая еще мокрые после недавнего дождя кусты вдоль дорожки.

– Бабушка, ты, как капитан на мостике, стоишь и смотришь, – поставив сумку около крыльца, Света бросилась обнимать бабулю.

Подошла Ирина. При первом же взгляде на дочь мать заметила ее осунувшееся лицо и обветренный темный загар чужого солнца. Она раскрыла ей на встречу свои объятия, мать и дочь обнялись.

– Ну, что стоим, заходите! – Антонина, широко распахнув дверь, пропустила в дом своих дорогих людей.

В доме все не меняется годами, даже десятилетиями. Все та же, знакомая с детства обстановка: довоенный буфет, подаренный Марии сестрой Лидией и ее мужем Григорием, когда они жили в тех малюсеньких комнатках полуподвала особняка на Новинском бульваре. Буфет был слишком громоздким и никто не позарился на него, когда особняк родителей Григория пошел под заселение жильцами в порядке уплотнения. Остальную мебель растащили по чужим углам, а может и сожгли в печках и буржуйках во время Гражданской, но к возвращению с фронта бывшего хозяина дома Григория, из мебели его семьи только этот огромный буфет и остался. Он стоял в коридоре образовавшейся коммуналки и на него вечно натыкались жильцы, особенно по ночам, когда вставали по нужде и из-за экономии не включали свет, да и электричества частенько не бывало по причине постоянных сбоев, план ГОЭЛРО еще только предстояло осуществить.

Буфет раздражал всех и Григорию, как бывшему хозяину, был предъявлен ультиматум: – или убираешь эту громадину, или мы ее распилим и сожжем в печке! – Но этот буфет был для Григория дорог как память о родителях и его счастливом детстве. О том, что он был антиквариатом и представлял собой художественную ценность тогда мало кто думал.

Делать было нечего, пришлось Григорию договориться с шофером из их штаба и отвезти неподъемную тяжесть в Холщевики, в дом Марии. Заносили этот монолит всей мужской силой деревни, состоящей в основном из подростков и не успевших побывать на Гражданке парней. Мужиков среднего возраста в деревне почти не осталось, кто погиб, а кто-то вернулся инвалидами, подобно Павлу, к тому времени уже покойному. Ну, а место, освободившееся от вечно мешавшему всем буфета, тут же занял огромный деревенский сундук, на который определили спать старую бабушку, выписанную из деревни для присмотра за детьми кого-то из жильцов. И опять возникла преграда на пути к отхожему месту в квартире, но больше никто не ворчал, своя ноша не тянет.

Ирина со Светой любят свою малую Родину – Холщевики. В родном для них доме уютно, вкусно пахнет гусем, запеченным с антоновскими яблоками из их старого сада, заложенного еще при тете Марии. Они охотно делятся с соседями саженцами и отростками, но урожай

от них не тот. В их саду Антоновка крупная, ароматная, кожа негрубая, мякоть сахаристая. Антонина, разменявшая шестой десяток, еще крепка, сама управляетя и на работе, и дома в своем саду-огороде. Рэм, когда был жив, помогал, но по-крупному, мужским рукам всегда есть дело в деревне. А вот полоть грядки, ухаживать за садом, это все дело женских рук Антонины. Конечно, в медпункте она физически не уставала так, как рядовые колхозницы на полях и на ферме, но в особых случаях и ей приходилось принимать участие в уборке урожая в их еще только становящемся на ноги после войны колхозе «Светлый путь». В молодости все давалось легко, а Антонина с детства отличалась крепким здоровьем и силой.

Отставнику Рэму за какие-то пять лет удалось вывести их колхоз в передовики по Подмосковию, за такой короткий срок это было очень непросто, вот и «сгорел» на работе. Сам он частенько смеялся по поводу своего революционного имени. РЭМ – революция, электрификация, механизация, именно таким именем наградили его родители, но на дворе уже был конец 70-х годов, последних лет еще здравствующего социализма с его соцлагерем и Варшавским договором. Люди страны СССР еще не знают, что Афганская война уже на пороге. Она ворвется в почти каждую семью, где есть призывники и кадровые военные, а у тех – невесты, жены, дети. Наступил конец лета 1979 года, с последующими событиями в далеком Афганистане, стране одной из первых признавшей РСФСР в 1923 году. Афганская война станет тяжелой ношей, надорвавшей нашу страну, это станет началом эпохи перемен и конца Союза, но все еще впереди.

Глава 15 Возвращение

Антонина, волею судьбы сменившая городскую жизнь на жизнь в деревне, ни разу не пожалела об этом. Наверное, сказались крестьянские корни родителей. И какое же это счастье, встав утром раскрыть окна в сад с его летними ароматами цветов и пением птиц, идти по деревенской тропинке на работу, любясь просторами русской равнины с ее необъятной ширью. А осень, с присущей только ей яркими, пышными красками бабьего лета и криками журавлей, улетающими в дальние страны где нет зимы. Зима в деревне долгая, темная, неторопливая, но сколько тайны в декабрьских вечерах. Зима располагает к общению, работы на полях закончены и хорошо посидеть в кругу подруг своей прошедшей молодости, поговорить, вспомнить, попеть песни, а чтобы руки на коленях без дела не лежали, женщины зимой рукодельничают: вяжут, вышивают, помогая друг-другу. После Крещения, с прибавлением светового дня – подготовка к будущей посевной с каждым днем возрастает. И так год за годом все идет по кругу.

И только встреча со своей первой любовью Рэмом изменила размеренную и однообразно из года в год протекавшую жизнь Антонины. После избрания его председателем колхоза «Светлый путь», чтобы дать ему возможность передохнуть от напряженной работы в весенне-летний период с его посевной и уборочной страдой, зимние посиделки из ее дома переместились в дом Макаровны, самой старшей в селе. О Макаровне ходят слухи, что ведьма она. Антонина от этих слухов отмахивается, но никогда не забывает, что именно Макаровна помогает многим в деревне лечить хвори, как людские, так и домашней живности. Бывало, что врачам районной больницы не удавалось справиться с болезнью, тогда шли к Макаровне и она помогала. Еще Макаровна умеет гадать на картах, умеет одним взглядом понять о человеке все и никогда не ошибается, это признают все, включая самых отъявленных сплетниц, которые в деревне, конечно, имеются.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.